

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

990
195

СБОРНИК СТАТЕЙ К ДЕСЯТИЛЕТИЮ БУХАРСКОЙ И ХОРЕЗМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Воспоминания участников Бухарской
и Хорезмской революции)

УЗБЕКСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ташкент—1930

В книге
много
29.4.66
БС

990 90
195 195

СБОРНИК СТАТЕЙ
К ДЕСЯТИЛЕТИЮ БУХАРСКОЙ
И ХОРЕЗМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(воспоминания участников Бухарской
и Хорезмской революции)

52-8212

СК

УЗБЕКСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ташкент—1930

2010383218

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция настоящего сборника считает необходимым отметить, что она не согласна с некоторыми установками автора статьи „Воспоминания о двадцатом годе в Хиве и Бухаре“, в частности с началом статьи, где сказано:

„Тяжелый террор царил в те годы в стране. Но носителем его были не хан и его везиры. Нет. Сам хан отсиживался в своем дворце, с трепетом ожидая повелений от фактического властелина страны—Джунаид-хана, предводителя кочевых туркмен—иомудов“, ибо в вопросе угнетения широких масс трудящихся узбеков и туркмен не было никакой разницы между ханом хивинским и разбойником Джунаидом.

Редакция.

Исторический юбилей.

I.

В сентябре текущего года исполнилось десять лет с тех пор, как рабочие и передовые массы дехканства Средней Азии под руководством ВКП(б) и Союзного пролетариата, при огромном содействии частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии нанесли решительный удар по твердыням внутренней и международной контрреволюции в Средней Азии.

Это десятилетие приобретает огромное политическое и историческое значение.

Это есть юбилей наших многочисленных революционных побед.

В 1920 году победоносная Красная Армия ликвидировала остатки Дутовской контрреволюции и окончательно восстановила связь Туркестана с Советской Россией. В этом же году славные части Красной Армии, подкрепленные свежими силами из центра, под руководством испытанного в революционных боях старейшего большевика и лучшего своего командира тов. **Фрунзе**, завершили борьбу с оккупационными частями англичан, ликвидировали английскую интервенцию в Закаспии, вместе с тем разбили и окончательно выбросили вон из пределов Средней Азии и силы местной контрреволюции (эс-эры, местные националисты) и очистили значительную часть территории нынешней Туркменской ССР.

Под влиянием этих побед мы имели новую вспышку революционного движения среди рабочих, дехкан и ремесленников против ханской деспотии в Хорезме, которая при помощи партизанских отрядов Хорезмских революционеров и частей Красной Армии завершилась Хорезмской революцией.

В 1920 году завершилась победой долголетняя борьба рабочих и дехкан Бухары. Волна победившей пролетарской революции захлестнула все твердыни и этой наиболее крепкой, опиравшейся на многочисленную армию чиновничества и огромную массу мулл, Средне-Азиатской феодальной реакции. Отрезанное в результате побед Красной Армии в Закаспийских степях от своих союзников англичан, эмирское правительство уже не в силах было продолжать сопротивле-

ние против натиска революционного движения внутри и вести ту активную, враждебную политику, которую оно проводило с первых дней Октябрьской революции в отношении к Советскому Туркестану и Советской России.

С ликвидацией Бухарского эмирата фактически завершилась первая, наиболее трудная стадия вооруженной борьбы революции с многочисленными силами контрреволюции.

Все эти победы связаны с 1920 годом. Вот почему 1920 год является одним из героических и знаменательных лет в летописи революции Средней Азии. Можно смело сказать, что историческими событиями 1920 года мы в значительной мере обязаны всеми нашими последующими достижениями—эти события, несомненно, подготовили благоприятную почву для широкого разворачивания советской государственной деятельности победившего пролетариата и всех трудящихся масс. Они дали возможность начать работу по восстановлению разрушенного за время империалистической и гражданской войн хозяйства, широко развернуть советское строительство, начать работу среди самых отсталых и забытых масс дехканства по их вовлечению в советскую государственную работу.

Рабочие и основные массы дехканства с полным правом победителей должны подвести итоги этого славного десятилетия и несмотря на то, что они по горло заняты огромной творческой созидательной работой по строительству социализма, оглянуться на пройденный путь, подвести итоги этих побед, чтобы на основе изучения опыта борьбы с еще большей энергией и силой продолжать великое дело строительства социализма в нашей стране. Именно поэтому партия и правительство решили приурочить юбилейные дни к Октябрьским торжествам. События 1920 года были следствием Октября. 10-летие этих событий мы празднуем в связи с 13-й годовщиной Великого Октября.

II.

Широким массам рабочих и крестьян Союза и даже Средней Азии еще недостаточно освещены все вопросы, связанные с историческими событиями 1920 года. Особенно плохо освещены вопросы революционного движения в Хорезме и Бухаре. А между тем победа революции в этих двух отдаленных, наиболее отсталых участках Средней Азии, в силу тех особых условий, которые вытекали не только благодаря географическому положению Бухары и Хорезма, но и тех исторически сложившихся экономических, политических особенностей, имеет не маловажное значение не только для нас самих, но и для трудящихся масс сопредельных с нами стран,

экономические условия жизни и культурный уровень которых очень немногим отличается от того, что мы имели в дореволюционной Средней Азии.

Революция в Бухаре явилась логическим следствием победы революции на территории всего Союза, но тем не менее она имеет в цепи этих событий и свое особое значение.

В чем же заключается это особое значение революции в Бухаре? Это прежде всего то обстоятельство, что на деле и на практике было показано, как сами отсталые массы трудящихся, под влиянием пролетарской революции, пришли к движению. Веками угнетенный народ, преодолевая все препятствия, мешавшие ему до сих пор, разбив связывавшие его цепи религиозного фанатизма и национальных предрассудков, сумел выйти на широкую дорогу борьбы за свое национальное и социальное освобождение. На опыте революционного движения рабочих и дехкан Бухары, на этом небольшом участке революционной борьбы была проверена ленинская установка. О путях развития революции в отсталых колониальных и полуколониальных странах на 2-м конгрессе Коминтерна Ленин говорил:

„Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются, и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к социализму, минуя капиталистическую стадию развития“.

Теперь уже доказано, что без Октябрьской революции, без победы рабочего класса России, без его активной поддержки трудящиеся Бухары не имели бы тех достижений, которые они имеют теперь; мало того, без этой победы рабочего класса в России сомнительна была бы и победа даже джа-

дидского движения, с его требованием реформ, приспособляющих феодальную Бухару к нуждам развивающегося торгового капитализма и младобухарского движения с его программой свержения эмирата и стремлением к республике, которое в конечном счете сводилось к подготовке почвы для дальнейшего буржуазного развития Бухары, при котором трудящиеся массы не получили бы своего национального и социального освобождения, мало того, даже наиболее полное осуществление и программы джадидских реформ и свержение эмирата оставались бы еще в течение значительного времени недостижимым желанием для тех групп, которые взяли на себя задачи эти, ибо эмирское правительство, опиравшееся не только на свою собственную вооруженную силу, но и на многочисленное духовенство, на наиболее реакционные силы страны, опираясь кроме того еще на поддержку императорской России, никогда, даже при самых благоприятных условиях для развития внутренних сил революции не пошло бы на значительные уступки, а тем более не дало бы возможности для осуществления проекта свержения существующего строя.

Только пролетариат, победивший в результате Октябрьской революции, установив свою диктатуру на территории бывшей царской России, лишил эмира моральной и материальной поддержки царя и русской буржуазии. Мало того, он самим фактом свержения царско-капиталистического строя заставил призадуматься над своим собственным положением все угнетенные и обездоленные массы человечества.

Октябрьская революция прозвучала как громовой призыв к борьбе за свержение тирании и эксплуатации в ушах всего угнетенного и эксплуатируемого человечества. Подвасильная империалистической России Бухара, жившие в таком близком соседстве с Россией трудящиеся массы Бухары первые почувствовали это влияние Октября, этот призыв творцов Октябрьской революции. Именно поэтому мы были свидетелями подъема и небывалой волны революционной активности среди рабочих, ремесленников и наиболее передовых слоев дехканства Бухары, как раз после Октябрьской революции.

Конечно, эмирская реакция была еще сильнее этих пробудившихся революционных сил; конечно, она сумела преодолеть эти первые симптомы поднимающейся революционной волны и даже опереться на силу своих союзников — российской и международной контрреволюции, которые бросились со всех сторон на революцию. Были времена, когда казалось, что завершение революции не так близко. В трудные моменты русской революции казалось, что дело освобождения трудящихся масс Бухары снова будет отложено на долгие годы. Но ошиблись те, которые поддавались влиянию временных

трудностей, которые не верили в неисчерпаемые возможности русской революции, в творческие силы рабочего класса и в конечную его победу.

Правы были те, кто не рассматривал революцию в Бухаре как изолированное явление и понимал общность интересов освобождения трудящихся масс Средней Азии с вопросами укрепления позиций Октябрьской революции, укрепления диктатуры пролетариата. Наглядно это было показано, когда временный перевес реакционных сил в самой Бухаре был немедленно ликвидирован, как только были уничтожены условия для заботливой опеки русской и иностранной контрреволюции над Бухарой, а это могло быть (так оно и было) только благодаря общей победе на территории бывшей царской России пролетарской революции. Именно это обстоятельство привело трудящиеся массы Бухары, в том числе и других частей Средней Азии, к убеждению, что прочность революционных завоеваний, крепость Советской власти целиком зависит от прочности революции передовых промышленных рабочих районов Союза. Они поняли, что только при поддержке этих пролетарских центров будет обеспечена их окончательная победа.

III.

Излюбленной темой агитации националистов контрреволюционеров всех мастей является утверждение, что революция пришла в Среднюю Азию на штыках Красной Армии, что в самой Средней Азии основные массы трудящихся были в стороне от борьбы. Что же касается участия рабочих крупных центров Средней Азии, то это видите ли опять таки были русские рабочие, которые как тогда, так и сейчас, продолжают играть руководящую роль, что с интересами трудящихся местных национальностей Советская власть не считалась.

Нет надобности разбирать подробно этот тезис, ибо каждому ясно, для чего понадобилось такое утверждение господам представителям буржуазии, националистам, продавшимся английским и прочим империалистам. Это утверждение им нужно для того, чтобы прикрыть истинные причины своего изгнания, своей крайней изолированности от широких масс рабочих и дехкан, — от тех, кто по существу составляет нацию, для отрицания классовой борьбы, чтобы ухватиться хоть за какой-нибудь аргумент в своей бешеной борьбе с революцией. Ясно, что националисты придумывают все это для того, чтобы ослабить спайку рабочих и крестьян. Они хотят возврата прежнего строя, они хотят восстановления капитализма, хотят вновь очутиться в роли хозяев положения, ли-

шивши рабочих и крестьян их Октябрьских завоеваний, но сказать об этом не решаются. Оправдывая борьбу с Советской властью „национальными“ соображениями, они фактически и на деле защищают не национальные интересы трудящихся масс, а свои собственные классовые интересы, ибо ясно, что ни царские чиновники, ни генералы, ни бывшие хозяева России—капиталисты не являются сторонниками свободного национального развития, ибо они являлись настоящими закабалителями всех мелких народов, населяющих бывшую императорскую Россию.

Трудящиеся массы знают, что те, кто обвиняет партию большевиков, Советскую власть с точки зрения национального вопроса, очень недавно, как раз в те годы, когда трудящиеся массы вели бешеную вооруженную борьбу за удержание революционных завоеваний,—вкуче с Дутовым, с монархистами, в союзе с черной реакцией Средней Азии—муллами—создавали так называемую „Ферганскую автономию“. Чем же иным могла быть эта „автономия“, как не оружием защиты классовых интересов буржуазии и не только местной, узбекской, но и всероссийской? Иными соображениями не могли руководствоваться царские генералы, которые охотно поддерживали эту, с позволения сказать, „национальную автономию“. В этом заключается причина их ненависти к революции, к нашей партии и к Советской власти. Это доказано теперь „результатами“ Касымовского процесса и делом б. работников НКПроса, Бату и его друзьями. Здесь всюду мы имеем дело с людьми, которые под прикрытием фраз о нации фактически ведут работу против нации, поскольку их работа направлена против рабочих и крестьян, против их господства—за возврат капитализма, за установление диктатуры капитала, что неизбежно привело бы Среднюю Азию к ее прежнему колониальному положению.

Рабочие и дехкане Узбекистана свое участие и свою преданность революции доказали не только тем, что в союзе с трудящимися массами всего нашего Союза сумели очистить страну от врагов, построить свое государство, восстановить хозяйство, развить советскую культуру, но и тем, что наравне и вместе с трудящимися массами всего Союза ведут неслыханными темпами дело социалистического переустройства страны. Именно этот факт вызывает тем большую озлобленность буржуазии внутри и вне нашей страны.

Но мы должны сказать и о том, что же является верным в утверждениях наших врагов? Прежде всего это то, что действительно главными носителями идей пролетарской революции и первыми борцами за ее осуществление в Средней Азии были русские рабочие. Верно и то, что они играли руководящую роль во всей борьбе трудящихся масс в Средней

Азии за свержение капиталистического строя, за установление Советской системы, за полное преодоление капиталистических элементов и в борьбе за строительство социалистического общества. Это верно не только в отношении прошлого, но плодотворные результаты этого явления мы ощущаем и в настоящем. Мы не только боролись в прошлом с попытками спекулировать этим явлением, сыгравшим колоссальную роль в нашей революционной борьбе, но и дальше со всей энергией будем бороться за то, чтобы сохранить и укрепить руководящую роль рабочих, поскольку речь идет об общем укреплении позиций пролетариата, поскольку речь идет об укреплении его диктатуры, усилении позиций Октябрьских побед трудящихся и поскольку это дает нам возможность укрепить единство всех Советских республик против капиталистического мира.

Трудящиеся массы нашей страны вполне отдадут себе отчет в том, каковы были бы результаты, если бы хотя на секунду мы допустили увлечь нас националистическими агитациями.

Но верно ли, что Октябрьская революция прошла без участия рабочих и трудящихся городов и кишлаков в Средней Азии и в том числе нашей республики? Конечно, нет, ибо кто не знает о том, что не только в составе того крупного отряда рабочих—железнодорожников, которые боролись за Октябрьскую революцию были рабочие из коренных национальностей, но почти во всех крупных центрах Средней Азии рабочие узбеки, таджики и прочих национальностей в борьбе за Октябрьскую революцию принимали участие по мере своих сил. Огромнейшая организационная и массовая работа, которая была проведена накануне Октябрьской революции возвратившимися с тыловых работ, мобилизованными в империалистическую войну рабочими, дехканами из коренных национальностей Узбекистана, сыграла громадную роль в деле развития идей Октябрьской революции в кишлаке и вовлечения дехканских масс в революционную борьбу. Кто не знает о том, что как раз накануне Октября, во время производства выборов в учредительное собрание и в местные городские самоуправления, рабочие местных коренных национальностей выносили уже самостоятельные списки как рабочие организации и вся их деятельность заключалась в борьбе с улемистскими и националистическими организациями?

Известно, что непосредственно после октябрьской революции эти группы рабочих, получив свое оформление при Советской власти как рабочие организации, приняли не малое участие и в гражданской войне, примером чего может слу-

жить не только вооруженное выступление против эмира, происшедшее в марте 1918 года в Бухаре и известное под именем „Колесовских событий“, но и то обстоятельство, что это вооруженное выступление бухарцев было поддержано добровольными вооруженными рабочими отрядами самаркандской рабочей организации „Иттифак“ и туркменскими фронтовиками из Закаспия.

Таким образом, городские рабочие крупнейших пунктов Узбекистана и других частей Средней Азии не только принимали участие в борьбе на территории своего города, округа, но уже тогда чувство братской солидарности было настолько развито, что, когда потребовалась их революционная помощь для трудящихся масс Бухары, они не замедлили своим положительным ответом, выразившимся в виде посылки вышеуказанных нами добровольных вооруженных отрядов.

Все это и последующие события, вплоть до ликвидации басмаческой контрреволюции, проходило при огромнейшем активном участии широких масс, а также беднейших слоев дехканства кишлака.

Кто у нас не знает не только о тех беззаветно преданных делу революции вооруженных отрядах, сформированных из среды коренного населения, но и о бесчисленном количестве стихийно создававшихся в процессе борьбы с басмачеством отрядов бедноты, так называемых, „палочников“, которые действительно почти без оружия, с палками дрались за победу революции, за уничтожение басмачества.

Мы могли бы привести еще множество фактов, которые с большой убедительностью подтвердили уже сказанное в этом отношении. Достаточно напомнить читателю, хотя бы те документы, которые в свое время были опубликованы в нашей брошюре „К истории революции в Бухаре“. Но самым убедительным из всех фактов будет все-таки сила и жизнеспособность нашей революции, крепость Советской власти и та беззаветная любовь, которую питают рабочие и бедняцко-средняцкие массы дехканства к нашей партии. Что бы ни говорили наши враги, как бы ни клеветали на нашу партию и Советскую власть, они не в силах поколебать ни нашу крепость, ни изменить отношение широких масс рабочих и крестьян нашей страны к ним—оно остается неизменным, попрежнему враждебным, как к классовому врагу.

Критика советской национальной политики как с точки зрения теоретической, так и с практической стороны была и остается слабым местом у наших врагов. Это происходит не потому, что наши враги не изошрялись, не искали изо всех сил аргументов и множества доводов для обоснования своей критики, не попытались использовать отдельные ошибки наших товарищей, плохую и неумелую работу нашего аппарата,

ибо, как известно, они пользовались всякими случаями, чтобы выставить нашу национальную политику в искаженном, искривленном виде. Они слабы не потому, что мало стараются, а потому, что все их изощрения и усилия остаются безрезультатными. В чем же корень этой слабости наших врагов? В чем же заключается основа крепости Советской власти и бесконечной преданности широких масс трудящихся нашей ленинской партии? Она заключается прежде всего в том принципиальном, что отличает Советскую власть от власти буржуазии,—она заключается в том, что:

„Со времени образования Советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма,—национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погром, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма,—взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальности, путем совмещения свободного развития народов с системой эксплуатации человека человеком, оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов.

Только в лагере Советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотивших вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.“ (Конституция СССР).

Во-вторых, в том, что у нас нет разницы между тем, что написано в нашей программе, в нашей конституции, и тем, что происходит на деле; у нас установлено господство рабочего класса без различия рас, цвета кожи и национальных признаков—всякий рабочий, всякий усердный труженик—есть хозяин страны, вершитель ее судеб. Он сам собственными руками проводит свою политику. Миллионный коллектив рабочих и крестьян проверяет эту политику и практику ее осуществления. Всякая ошибка на практике, и с к а ж е н и е л и н и и в результате уклонов, какими они ни явились бы,—будь это уклон в сторону великорусского шовинизма или местного национализма, они быстро и немедленно исправляются коллективом, самим господствующим классом. Наша партия с достаточной решительностью боролась и будет впредь бороться с уклонами в своих рядах, она в духе ленинизма воспитывает рабочий класс. Чтобы убедиться, что это

так, достаточно взять хотя бы постановление 16 с'езда ВКП(б), речь т. Сталина на том же с'езде. Наконец, это происходит потому, что каждый год существования Советской власти, каждый наш шаг в сторону социализма дает все больше фактов для того, чтобы укрепилось это убеждение рабочих и трудящихся масс страны. По мере того, как растет и крепнет Советская страна, растет наше хозяйство, культурный уровень трудящихся масс, поднимается активность рабочих и основных масс крестьянства, вытесняются капиталистические элементы,—все больше растет у нас возможность удовлетворить экономические и культурные запросы трудящихся, проводить огромнейшую политическую, хозяйственную и культурную работу среди самых отсталых народов и неуклонно подтягивать их к уровню наиболее культурных, наиболее передовых народов Союза ССР. Вот почему все усилия врагов Советской власти, все их хитросплетения, весь арсенал лжи и клеветы, который пускается ими в ход, ни на йоту не изменяют то чувство классовой и братской солидарности рабочих и крестьян, на основе которого зиждется Союз Советских Социалистических Республик.

Националисты клеветают по адресу Советской власти, когда они говорят, что революция ничего не дала трудящимся. Это знают и они сами и наши рабочие и крестьяне. Они очень часто вздыхают по бухарскому и хорезмскому эмиро-ханскому строю, как формам, в которых, якобы, заключалась национальная независимость этих стран. Царские вассалы и эмирский хан—наихудшие душители народной воли, попирантели всякой национальной свободы, приказчики русских фабрикантов, представляются в роли борцов за национальное дело. Это ли не позор для так называемых националистов?

Но как же обстояло, все-таки, дело в бывших Бухарском и Хорезмском ханствах? Как жилось там не только рабочим и дехканам, но и другим социальным слоям населения, исключая баев, мулл и чиновников? Что же дала Советская власть рабочим и дехканам Бухары?

Нам кажется излишним особенно распространяться на тему о том, что из себя представляла дореволюционная Бухара. Это было так недавно, что трудящиеся нашей республики не успели забыть.

Недаром достаточно реакционный чиновник царского правительства—известный **Логофет**, еще много лет до революции избрал заглавием своей книжки о Бухарском ханстве „Страна бесправия“,—в этих кратких словах **Логофет** совершенно точно определил настоящее дореволюционное лицо Бухары. Ведь нельзя оспаривать, что Советская власть застала Бухару в состоянии полного разорения и хаоса: хозяйство, промышленность давно уже шли по линии все большего умень-

шения производительности; торговля сократилась; огромнейшие налоги на содержание многочисленной тысячной армии, полнейшая бесхозяйственность и хищения со стороны эмирской администрации, воровство чиновников, откупная система управления отдельными вилайетами—привели страну в состояние полнейшей нищеты. Вот некоторые данные, отчасти рисующие экономическое состояние Бухары к моменту революции 1920 года.

Народное хозяйство. Посевные, поливные площади в 1917 году составляли 669.640 десятин, в 20-м году—540 тыс. Сады и виноградники в 1917 г. составляли 29.300 десятин, а в 1920 г.—21.000 десятин.

Богарные посевы в 1917 году составляли 412 тыс., в 20-м году—200 тысяч.

Заболоченные, засоленные и переложные земли в 1917 году составляли 461 тыс. десятин, в 20-м году—615 тыс.

Сельско-хозяйственные промышленные культуры составляли: табак в 1917 г. 2.300 дес., в 1920 г.—1000 десятин.

Скотоводство: лошади в 1917 г. составляли 194.300, в 1920—180.000, верблюды—51.250 в 17-м году, а в 20-м году—40.000, рогатый скот—442.700 в 17-м году, а в 20-м году—350.400, ишаки—153.000 в 17-м году и в 20-м году—135.000; выход каракуля довоенный—700—800 тыс. шкурок, в 20-м году—400—450 тыс. шкурок.

Бухара и до империалистической войны 1914 года была достаточно бедна. Но ее положение особенно ухудшилось как раз после войны и революции и именно в результате насильственного ее отрыва от революции России.

Яркую картину невыгодности торговли Бухары через Афганистан с Индией, Англией и другими европейскими странами показывают хотя бы следующие данные.

Цены с.-х. сырья в 1913—1919 годах на гузоломочный хлопок составляли 11 руб., в 20-м—1 р. 80 коп.

Каракуль—7 руб., в 20-м году 1 р. 20 коп.

Шерсть—6 руб. пуд, в 20-м г.—2 руб.

Эти цены еще не дают полной картины того разорения и состояния нищеты, которые переживала Бухара в последние годы эмирской власти. Мы не имеем точных систематических материалов, которые могли бы характеризовать этот период с достаточной полнотой, но каждый может представить себе положение трудящихся слоев населения, и в особенности дехканства, в такой стране, как эмирская Бухара, где начавшийся уже давно упадок производительных сил усугублялся еще полной хозяйственной изолированностью, одновременным ростом милитаризма, вызывающим рост налогов и всяких поборов, и что естественный путь, к которому могло при-

вести это положение, заключался почти в полной натурализации когда-то высокотоварных форм сельского хозяйства Бухары.

Нищета народных масс, ужасающее разорение страны, конечно, не затрагивали ни эмира, ни его многочисленного двора, ни кулачества. Налоги и всякие поборы сверх прибыли текли в их карманы, несмотря на это состояние страны, а иногда именно благодаря ему.

Торговля через Персию, Афганистан и Индию с Англией и другими странами давала возможность этим слоям вести попрежнему паразитический образ жизни. Эмир был не только главой государства, главой Ислама, но и крупным купцом-промышленником, который свое положение абсолютного монарха, в условиях полнейшего бесправия народа, широко использовал для самой беспощадной эксплуатации широких народных масс.

Огромные, миллионные суммы были вложены эмиром в торговлю, железно-дорожные кампании, промышленные предприятия русских и заграничных фирм. Эмир никогда не отделял средств государства и казны от личных средств. Не было такого деления, и все громадные богатства страны всегда считались собственностью эмира. Считалось, что государственная казна—это казна его высочества эмира.

Известный царско-эмирский чиновник **Введенский** в своем отчете на имя эмира указывает, что средства эмира, вложенные только в промышленные предприятия старой России и в торговлю, превышали сто миллионов рублей,—это не говоря о казне эмира в целом.

Все это является прекрасной иллюстрацией нищенского состояния страны, показателем того, в каких размерах практиковался грабеж народа со стороны государственной власти. Бухара с 2,5 милл. населением, без промышленности, с неразвитым ремесленным производством, абсолютно отсталыми способами сельско-хозяйственного производства, должна была прокормить всю эту свору грабителей, так называемых власть имущих, их родственников, близких, содержать армию в 25-30 тысяч человек, хищнически эксплуатироваться байством, кормить бесчисленное количество мулл и при этих условиях за каких-нибудь 50-60 лет со времени русско-бухарской войны составить эмиру такую огромную сумму капиталов. Поэтому-то и досталась страна Советской власти в состоянии полного разорения и нищеты, которое не было бы мыслимо в XX веке ни в одной другой части мира. В Бухаре не были проведены самые элементарные мероприятия по оздоровлению хозяйства, развитию промышленности и торговли. Не приходится говорить о состоянии народного образования, об охране здоровья населения, о проблемах городского устройства, о ка-

ких-нибудь культурных способах отдыха и развлечений для народа. Театра Бухара до революции не видала. Кино также—одно частное кино имелось на всю страну с 2¹/₂ милл. населением. Насколько плохо обстояло дело в этом отношении, показывает хотя бы уже то, что из ежегодных доходов страны, определяемых по официальным данным в сумме 13 милл. рублей, ни одной копейки не затрачивалось на нужды самого населения, если не считать постройку зданий 2-3 больниц, мощения улиц внутри города Бухары. Ни на ирригацию, ни на улучшение сельско-хозяйственного производства, ни на дорожное строительство, устройство мостов, постройку школ и их содержание, организацию медицинской помощи не тратилось ни одной копейки, и все это было предоставлено заботам самого населения, и даже на это мероприятие—на организацию сил населения на эти работы—многочисленная эмирская администрация не удосуживалась уделить время. Все находилось в состоянии полной запущенности.

Огромные средства вакуфов, предназначенные в свое время, еще несколько сот лет тому назад, на содержание школ, развитие наук, на цели благоустройства, на содержание бедных—все это уже давно было предложено правительству и отчасти роздано в личное пользование крупного духовенства.

Это состояние абсолютно беззаботного отношения к нуждам страны, к интересам народа наглядно показывает отношение эмира и его правительства к процессу систематического вымирания населения в самом городе Бухаре и его окрестностях. Бухарская малярия, известная на всю Россию, летом, в разгаре сельско-хозяйственных работ, сваливала огромное количество народа. Огромное количество людей падало жертвой этой эпидемии—люди умирали как мухи, и несмотря на это в Бухаре был только единственный казенный врач, два частных врача, несколько фельдшеров, одна-две аптеки на всю страну. Никогда не принималось никаких мер для радикальной борьбы с этим народным бичем. Что же касается мероприятий по устранению основных причин развития малярии—борьбы с процессом заболачивания, то никто никогда не думал об этом. При маловодьи Бухарских районов, когда засыхали посевы, населению приходилось пить хазную воду с червями; целые районы были превращены в болота, где развивались и размножались из года в год малярийные носители—комары. Это наносило кроме того и огромный вред народному хозяйству, ибо сокращало посевные площади, ухудшало качество земли, а закешая система, построенная еще при Тимуре, бездействовала,—она засыпалась, портилась, и никто не думал даже над тем, чтобы хотя бы просто организовать бесплатную силу населения прорывать закеши и высушить болота.

Все это показывает, что Советской власти пришлось начинать свою работу почти на голом месте,—все приходилось делать заново, при огромных трудностях, экономической и политической отсталости страны, отсутствии людей, недостаточности средств;—все это не мешало советам начать проводить широкую программу хозяйственного, культурного строительства и принять ряд решительных мер к облегчению тяжелого положения трудящегося населения.

Размеры статьи не дают нам возможности подробно останавливаться на характеристике этих мероприятий Советской власти, как в период существования Бухарской республики, так и за эти шесть лет в составе Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР. Это мы сделаем в другом месте, но достаточно указать хотя бы на некоторые, наиболее важные мероприятия Советской власти, чтобы всякий совершенно ясно мог увидеть, какая пропасть отделяет старую и новую Бухару за эти 10 лет, Бухара за 4½ года существования народной республики была ареной гражданской войны. Эмирские наймиты—басмачи—разоряли страну до последних пределов. Советская власть была поглощена организацией сил, чтобы отразить нападение наймитов, чтобы отстоять страну от басмачества.

Но несмотря на это еще тогда не мало было сделано, чтобы вывести страну из тяжелого положения, чтобы улучшить материальное положение рабочих, кустарей и дехкан, чтобы наладить дело социально-культурного строительства. Достаточно указать хотя бы на такие мероприятия Сов. Нар. Прав. Бухары, как отмена всяких и всяческих налогов с дехкан, кустарей и мелких торговцев почти в течение двух лет, изменение налоговой системы эмира и введение новых государственных налогов, которые существовали до начала размежевания Средней Азии, налоги, которые в своей сумме не составляли более 1/3 того, что брал эмир и его чиновники; объявление государственной монополии на все основные виды экспортного и промышленного сырья, которое также просуществовало почти два года; национализация промышленных предприятий, ранее принадлежащих купцам; передача земель эмирского дома и крупных чиновников и мулл и вакуфных земель в руки фактически работавших на них трудящихся чайрикеров и батраков; организация специального С.-Х. Банка для оказания помощи дехканам по восстановлению их хозяйств; организация школ, больниц и т. д. и т. п. При народном правительстве была начата большая работа по восстановлению городов и разрушенных дорог. Все это, не говоря о принципиальной разнице эмирского и советского управления, о восстановлении хозяйственных и политических отношений с Советской Россией и заключении союзного договора, кото-

рое явилось действительным средством спасения Бухары от дальнейшего разорения и обнищания, было и остается результатом сентябрьской революции, продуктом самостоятельности самих трудящихся, следствием установления советского строя в Бухаре. Но повторяем, что за эти 4½ года много сделать не удалось. Вся нашу работу в Бухаре до размежевания можно назвать кустарщиной, если сравнить то, что мы сделали после образования Узбекской ССР.

Шестой год национального размежевания Средней Азии и образования Узбекской ССР показал, что права была наша партия и шедшие за нею трудящиеся массы Бухары. Теперь уже все знают, каких результатов достигла страна благодаря именно этим мероприятиям партии и советской власти. Рабочие и бедняцко-середняцкие массы дехканства за эти годы достигли огромнейших политических, хозяйственных и социально-культурных успехов. За эти годы неизмеримо укрепилась советская власть. Правильное пролетарское руководство рабочего класса Союза создало все условия для активизации рабочих и бедняцко-середняцких масс дехканства, для роста культурности и политического самосознания их.

Партия принялась за усиление орабочивания и обатрачивания советского аппарата, очищая советские, хозяйственные и кооперативные аппараты от чуждых и примазавшихся элементов.

Советский аппарат, больше чем когда бы то ни было, приблизился к основным массам трудящихся. Он является уже теперь действительным выразителем их настроения.

Особенно значительны наши успехи в области хозяйственного строительства. В минимальный срок был закончен восстановительный период. Рабочий класс взялся за реконструкцию народного хозяйства и двинул значительно вперед от довоенного уровня дело хозяйственного строительства. Этот процесс хозяйственного строительства шел в условиях борьбы двух начал—нового социалистического со старым, отживающим капиталистическим. В этом великом соревновании между двумя системами неизменно побеждали элементы социализма.

Все это привело к возможности приняться за действительное ограничение эксплуататорских возможностей баев, кулаков, проведение ряда крупнейших реформ, в том числе такой крупнейшей реформы, как земельно-водная реформа, явившаяся в условиях Узбекистана своеобразной аграрной революцией.

Это был основной удар со времени октябрьской революции по байским и кулацким элементам узбекского кишлака. Благодаря земельной реформе были высвобождены десятки миллионов рублей, получаемые эксплуататорскими элементами

кишлака в виде ренты, которые перешли в руки батрачко-бедняцкой части кишлака для удовлетворения производительных нужд сельского хозяйства.

Громаднейший размах хозяйственного строительства во всем Союзе, связанный пятилетним планом развития народного хозяйства, осуществление лозунгов нашей партии о форсированном темпе индустриализации Союза, не могли не оказать своего воздействия на темпы роста и развития хозяйственного строительства Узбекистана. Узбекистан, помимо интенсивного роста всех частей сельского хозяйства, как мы уже выше сказали, в значительной мере превышающего все довоенные достижения, особенно сильно сумел развить хлопководство, которое, являясь основной культурой в сельском хозяйстве Узбекистана, уже в значительной мере предопределяет как дальнейшие темпы подъема сельского хозяйства вообще, так и тех мероприятий, которые проводятся нами в области технической и социалистической реконструкции кишлака.

Особенно необходимо подчеркнуть рост промышленного строительства в Узбекистане. Помимо восстановления и полного использования всех тех промышленных предприятий, которые нам достались от прежнего строя, у нас теперь заложены основы для гигантского роста таких отраслей промышленности, которых не было в Средней Азии в довоенное время, доказательством чему служат реальные цифры из года в год растущих капиталовложений в нашу промышленность. Если сравнить капиталовложения за годы существования Узбекистана, мы получим следующую картину. Всего было вложений в промышленность:

	Вся цензовая гос- промышленность	В том числе ВСНХ УзССР
В 1925-26 г.	—	2,0 м. р.
" 1926-27 "	15,8 м. р.	8,1 " "
" 1927-28 "	19,1 " "	8,8 " "
" 1928-29 "	21,9 " "	10,0 " "
" 1929-30 "	37,2 " "	20,9 " "

Что же касается 1930-31 года, то предполагаемые в промышленность вложения определяются суммой в 152 милл. руб., в том числе в промышленность, подчиненную ВСНХ УзССР—73,6 милл. руб.

Эти цифры говорят сами за себя. Поэтому нам остается сказать только несколько слов в отношении тех отраслей промышленности, которые получают у нас особенно сильное развитие.

В первую очередь это промышленность хлопкоочистительная, маслобойная, пищевкусовая и другие, которые тесно связаны с первичной обработкой продуктов сельского хозяйства.

Во-вторых—шелковая промышленность. Интенсивный рост шелководческого хозяйства привел к возможности создания этой новой отрасли в Узбекистане. Уже теперь мы имеем до 4-х шелкомотальных фабрик, в которых работают несколько тысяч трудящихся женщин из коренного населения.

Затем идет текстильная промышленность, основа которой заложена окончанием постройки Ферганской текстильной ф-ки и окончанием проекта строительства еще более мощных текстильных фабрик в Ташкенте, Самарканде и Бухаре. Это тоже является новой отраслью промышленности.

Металлическая промышленность раньше, в первые годы революции, была представлена отдельными механическими мастерскими, теперь же, в конце этого года, заканчивается постройка крупнейшего завода сельско-хозяйственного машиностроения.

Все это вместе с огромным ростом электрификации страны, началом строительства Чирчикского азотного завода, совершенно изменяет промышленное лицо Узбекистана,—Узбекистан из чисто аграрной отсталой страны, вслед за индустриализирующимся Союзом, превращается в аграрно-индустриальную часть великого Союза Советских Социалистических Республик.

Особенного внимания заслуживает успех партии и советского правительства в таких областях хозяйственного строительства, как организация дальнейшего подъема кустарной промышленности, которая в Узбекистане все еще имеет огромное народно-хозяйственное значение.

Значительно двинулось вперед как рельсовое, так и безрельсовое дорожное строительство, примером чего служит не только полное восстановление всех действовавших в довоенное время дорог, но и соединение Узбекистана с нынешней столицей Таджикской Республики—Дюшамбе рельсовой дорогой.

Окончание Туркестано-Сибирской ж. д., которая имеет величайшее значение в деле дальнейшего роста хлопководства, а стало быть и ускорения темпа хозяйственного строительства и других отраслей, начало строительства Чарджуй-Хорезмской ж. д., которая свяжет Узбекистан и Союз с этой наиболее отдаленной и оторванной до сих пор частью Республики,—также является примером, доказывающим наш успех в этой области.

Незачем говорить о том, какое значение имела эта картина хозяйственного роста в деле улучшения материального положения трудящихся Узбекистана, в деле подъема их культурного уровня. Достаточно указать, что за время со дня

оформления Узбекистана зарплата рабочих увеличилась на 41%, покупательная способность населения возрасла с 1926-27 года по 1929-30 год на 41,5%.

Укажем на рост вложений в области народного образования и здравоохранения. Вложения как по государственному, так и по местному бюджету в области народного образования шли следующим образом:

В 1924-25 г.	8.618 тыс. руб.
„ 1925-26 „	11.166 „ „
„ 1926-27 „	13.452 „ „
„ 1927-28 „	18.356 „ „
„ 1928-29 „	25.771 „ „
„ 1929-30 „	42.684 „ „

Что же касается 1930-31 года, то в один этот год предполагается сумма вложений в 86,7 милл. рублей.

Результаты этих вложений и целый ряд мероприятий правительства выразились в значительном повышении грамотности среди населения Узбекистана. Процент грамотности для 1929-30 года определяется цифрой свыше 20—22%. В школах первой ступени в Узбекистане в 1929-30 году обучалось свыше 150 тыс. человек. Пропущено через пункты ликвидации неграмотности только в один год 300 тыс. чел. Правительством уже принят закон о введении всеобщего начального обучения, начиная с 1930-31 хозяйственного года, — за этот год должны быть охвачены школами 1-й ступени до 300 тыс. детей в возрасте от 8 до 10 лет, как в городах, так и кишлаках; должно быть пропущено через пункты ликбеза не менее 400 тыс. человек.

В средних и высших учебных заведениях обучается несколько десятков тысяч человек. Как продукт деятельности советской власти, мы уже имеем не малое количество врачей, инженеров, агрономов, техников и других работников высшей квалификации из среды коренных национальностей — узбеков, таджиков, казаков и т. д.

На рост культурного уровня трудящихся масс Узбекистана указывает рост наших газет: в одном Узбекистане издается около 20 периодических и непериодических газет и журналов, с тиражем более 1000 экземпляров.

Растет массовая литература. Положены основы для быстрого роста новой революционно-художественной литературы.

Узбекские драматические и музыкально-этнографические театры достигли огромнейших успехов.

Все это касается Узбекистана в целом и не могло не отразиться также и на территориях, ранее входивших в состав бывшей Бухары. Тем не менее, для сопоставления того, что было в Бухаре до 1924 года и в настоящее время, мы

считаем не излишним специально остановиться, хотя бы в самых кратких чертах, на том, что было сделано за эти годы и в отношении этой части нашей Республики.

Не говоря о других центрах бывш. Бухары, как Чарджуй, Дюшамбе, входящих — первый в состав Туркменской ССР, второй — в состав Таджикской ССР в качестве ее столицы, которые растут не по дням, а по часам, перечислим только некоторые мероприятия, которые за эти годы были проведены в самой Бухаре.

Бухара уже является не тем, чем она была в дореволюционное время, — центром торговли, со множеством купцов, аренной эксплуатации рабочих, городской бедноты и дехканского населения. Нет всего этого теперь в Бухаре. Нет там также и бесчисленного количества медресе, где воспитывались муллы, эта наиболее крепкая и реакционная опора эмирского правительства. Нет там хаузов в городах, бесчисленного количества грязных ям и болот в окрестностях, этих очагов для поголовного заражения всякими болезнями всего населения бывшей столицы эмира. Вместо всего этого Бухара уже теперь становится центром огромнейшей политической и культурной работы советской власти. В Бухаре заложены все основы для быстрого роста промышленности. Словом, преобразилось все лицо старой Бухары — она начинает быть новой: электрическое освещение, водопровод, множество культурных учреждений и лечебных заведений — все это есть продукт деятельности советской власти за столь незначительное время.

Чтобы не быть голословным, перечислим некоторые предприятия, строительство которых закончилось теперь, или же предположенных к окончанию в ближайшее время.

Назовем шелкомотальную фабрику, где работают до 1000 коренных трудящихся женщин; швейную ф-ку, окончание которой предположено было в июле текущего года; громадную, почти на 500 человек, механизированную кустарную мастерскую; окончание в конце прошлого года мощного водопровода; народный дом; здание педтехникума, множество клубов, кино, больниц и т. д. В настоящее время уже начала строиться чулочно-трикотажная ф-ка; только недавно заложена основа для двух мощных тепло-электростанций. Крутильная ф-ка и, как уже говорилось в начале, закончен проект и выбрано место для строительства текстильной ф-ки.

Совершенно ясно поэтому и то обстоятельство, что в области национальной политики ни на территории Бухары, ни в одной из других частей Узбекистана, в том числе и в Хорезме, бывшем в недалеком дореволюционном прошлом аренной наиболее жестокой национальной и междуплеменной борьбы, мы не имеем того, что было там в дореволюционное

время, проводим наши практические мероприятия политического, хозяйственного и культурно-воспитательного порядка. Особенно заботливо отношение советского правительства к нацменьшинствам: улучшение их материального и бытового положения, развитие их национальной культуры, — все это дало самые ощутительные результаты. У нас не только не имеют места племенные раздоры и национальная вражда, не только господствует полнейший мир между трудящимися всех национальностей, но создались и все условия для самого тесного и братского сотрудничества между ними.

Все это служит предпосылкой для того, чтобы уже теперь поставить вопрос об установлении еще более тесных взаимоотношений между отдельными советскими республиками Средней Азии. Для разрешения тех задач, которые стоят перед нами и которые положены в наши планы великих работ, теперь уже недостаточно усилий отдельных республик каждой в своей области, ибо такая работа, при самом максимальном согласовании периодического характера, не гарантирует нам возможности еще большего ускорения темпа нашего развития, и не даром поэтому рабочие и наиболее передовые части колхозников, бедноты начинают ставить вопрос о необходимости установления более тесных отношений между республиками Средней Азии, которые образовались в результате национального размежевания. На сцену появляется мысль о необходимости создания Средне-Азиатской Советской федерации в составе Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии.

Не является ли все это достаточным опровержением того, что говорили наши враги о национальном размежевании, о политике большевиков, направленной на разъединение народов Средней Азии, на их клевету, что большевики придумали национальное размежевание для того, чтобы удобнее управлять народами Средней Азии?

Достаточно сопоставить приведенные нами факты с этими утверждениями наших врагов, чтобы видеть, насколько они ложны и клеветнически по отношению к советской власти и к проводимой ею национальной политике.

Весть о желании трудящихся масс Средней Азии объединиться в федерацию наши враги, несомненно, встретят новой волной лжи и клеветы. Их яростные выступления опять будут направлены против рабочего класса Союза, против национальной политики нашей партии.

Трудящиеся массы пройдут мимо них и, не обращая внимания на вой враждебных голосов, сделают свое историческое дело.

Воспоминания о двадцатом годе в Хиве и в Бухаре.

I.

18 — 19 годы явились годами тяжелых испытаний для узбекского и казакского населения Хивинского ханства.

Тяжелый террор царил в те годы в стране. Но носителем его были не хан и его везиры. Нет. Сам хан отсиживался в своем дворце, с трепетом ожидая повелений от фактического властелина страны — Джунаид-хана, предводителя кочевых туркмен — иомудов.

Мирное узбекское население было брошено в объятия произвола и насилия. Среди бела-дня туркменские отряды совершали налеты на селения, резали, словно баранов, людей, увозили их добро, а что не могли взять с собою, предавали огню.

Во время пребывания в составе миссии Кязим-бея в Хиве в 19 году мне приходилось быть свидетелем этого опустошения. На протяжении более чем. полутора верст в районе Чимбай и Заира (на берегу Аральского моря, у впадения Аму-Дарьи) я не видел живой души. Сожженные и разрушенные дома, разбросанные всюду трупы, растасканное имущество, полуистлевшие деревья, валявшиеся у домов детские люльки, торжествующий вой шакалов и наполнявшее воздух зловоние производили потрясающее впечатление. Многие мои товарищи не выдерживали этой картины, впадали в истерику. На обратном пути, чтобы избежать эту местность, мы шли окольным путем, что удлиняло нашу дорогу на несколько десятков верст.

Мрачную картину представляли города бывшего Хивинского ханства. Базары пустовали. На узких улицах, возле поубоивавшихся глиняных заборов редко можно было встретить человека.

Но стоило только появиться на улице человеку в красноармейской фуражке, гимнастерке, как навстречу к нему выходили обрадованные жители. Они целовали его руки, ноги, обнимали полы шинели, вытирая ими иссохшие от слез глаза, робко дотрагивались до его винтовки. Приглашали к себе, угощали всем, чем могли. Даже женщины открывали перед ним свои лица, ласкали его. Они не боялись своих мужей;

ведь это не просто мужчина-гость. Это красноармеец, спаситель, единственный защитник их от произвола, окончательного истребления.

Как только гость уходил из дома, снова мрачное настроение овладевало всеми. И беспрестанно, притаившись у забора, население следило за движением на улице, с трепетом ожидая появления вооруженных туркмен, изредка посещавших населенные пункты, чтобы достать себе добычу.

Еще больше пострадали от нашествия туркмен хивинские казаки. Кара-калпакские ишаны,¹ живущие в степях, дали туркменам благословение на уничтожение казакского населения. Казакское население в районе Дурт-Куль²—Чимбаи почти поголовно было уничтожено. Молодые казачки сотнями были угнаны в плен, и там обращались с ними как с рабынями.

С целью дать возможность освобождения более чем 400 казакских девушкам, находящимся в плену у туркмен, миссия Кязим-бея включила в пункт договора с Джунаид-ханом возвращение на родину этих казачек. Но туркмены не только не выполнили этого пункта договора, но даже на глазах членов миссии зверски расправлялись с молодыми девушками, попытавшимися бежать из плена.

Молодая хивинская революционная организация, созданная небольшой группой эмигрировавших после Октября из Хивы в Ташкент революционеров, имела благодарную почву для своей работы среди населения. Революционное настроение царило не только среди дехканства и мелких торговцев и ремесленников, но и часть духовенства и торговцев с нетерпением ожидала прихода Красной армии.

Из хивинских торговцев от нашествия туркмен не пострадали только Баккаловы, закупщики краденого и ограбленного туркменами имущества.

Центр младохивинской организации находился в Ташкенте. Организация имела филиалы в Дурт-Куль и Чарджуе, Асхабаде и Мерве. В обязанность чарджуйского отделения входила пропаганда среди хивинских торговцев, приезжающих из Хивы в Бухару (по Аму-Дарье). Пропаганда эта велась исключительно против туркмен. Вообще нужно оговориться, что младохивинцы, хотя и именовались „большевиками“, фактически были ярыми националистами и защищали свою буржуазию. Многие из них были религиозными людьми, посещали аккуратно в день по пять раз мечети, совершали намаз. Были

¹ Ишан—мусульманский святой.

² Обычно пишется „Турт-Куль“.

случаи, когда на зов азанчи¹ к намазу прерывались заседания комитета, и президиум уходил в полном своем составе в мечеть.

Даже перед открытием первого курултая в 20 году перед началом заседания был совершен всеобщий... намаз (этот случай зафиксирован протоколом курултая).

Дурт-Кульское отделение организации вело пропаганду среди населения центрального района и вербовало в боевые отряды добровольцев. Это отделение имело до 600 членов.

В самой Хиве не было отделения, и всю работу в городе вел уполномоченный отделения Худайбирген Диванов.

Скоро среди туркменских племен начались разногласия. Вождь туркменских племен Приаралья, Куш-Мухаммет, со своим отрядом в 2000 человек восстал против Джунаид-хана и образовал самостоятельное северное ханство. Куш-Мухаммет² действовал в согласии с младохивинцами и боролся с Джунаид-ханом под революционным лозунгом. В дни революции в Хиве Куш-Мухаммет играл видную роль, и его участие значительно повлияло на решение судьбы хивинской революции. Кроме его отряда, младохивинцы располагали всего лишь 600 человек, и не будь вооруженной силы Куш-Мухаммета, спасение хивинского населения от произвола иомудов было бы отложено на долгие дни.

II.

До открытия базара еще много времени. Но базарная площадь полна ликующего народа. Все прикрепили на грудь красные бантики, лица возбуждены, сияют радостью.

На площадь стекаются непрерывным потоком все новые группы, прибывающие из окрестных кишлаков. Дехкан не верит и собственными глазами хочет посмотреть на столь долгожданную победу.

Начинается митинг. Ораторов слушают стоя. Никто не садится, не желая пропустить сказанное с трибуны.

На трибуне начальник отряда младохивинцев т. Шайдаков. Распахнув полы своей серой шинели, покручивая длинные рыжие усы, он говорит громким голосом, поздравляет население с победой революции.

— Трудящиеся и дехкане Хивы. Вы сегодня скинули с себя цепи векового гнета своих ханов и угнетателей. Сего-

¹ Духовное лицо, призывающее на молитву. Псаломщик.

² Интересно отметить, что этот подлинный народный герой уже после победы революции был осужден и расстрелян „революционным“ правительством Султан-Мурадова.

дня свергнут с трона ставленник бандита Джунаида, Саид-Абдулла. Отныне хивинский народ будет свободным.

Тысячная толпа прерывала его речи громкими криками ура. Многие плакали от радости.

За Шайдаковым на трибуну взошел седой старик, известный хивинцам Палван-Ниаз Хаджи Юсупов. Ему не дают начинать. Десятки рук подхватывают его с трибуны и швыряют в воздух. Он с трудом освобождается от оваций и снова взбирается на трибуну. Но от волнения не может выговорить ни слова и всхлипывает от слез. Его слезы заражают многих.

За ним на трибуну появляется Султан-Мурадов.

Толстый, упитанный, с редкой бородой, с узкими, хитрыми глазами он производит иное впечатление. Он решительно отставляет рукой пытавшихся качать его и деловым тоном начинает говорить. Он дает бесчисленное количество обещаний народу. Объявляет программу действия младохивинцев. За ним на трибуну выступает еще несколько младохивинцев, некоторые из публики; и митинг на этом заканчивается. Объявляется всенародный праздник. По окончании празднества вновь созывается митинг, на котором объявляют о создании ревкома и оглашается состав нового правительства.

Председателем ревкома намечен Хаджи-Большаков.

III.

25 марта 20 года в Хиву отправлялась миссия товарища Бройды. В задачу миссии входило оказание помощи молодому революционному правительству Хивы организовать власть и успешно завершить борьбу с остатками контрреволюции.

Представлялся удобный случай попасть в сравнительно комфортабельных условиях в Хиву (так как пароходы по Амударье ходили редко, нерегулярно), и ЦК бухарской компартии решил командировать меня в Хиву с миссией. На меня возлагалась задача организовать бухарских коммунистов, создать хивинский филиал бухкомпартии.

Миссия отправилась в специальном поезде, и мы с необычайной для того времени скоростью приехали в Самарканд. На вокзальной платформе я встретил Осман-Ходжаева, расхваливающего под руку с Файзуллой Ходжаевым. Файзулла был одет в изящный френч, широкие галифе и огромную кепку. В этом костюме он был похож на курсанта авиационной школы. Его вид почему-то тогда не мирился с моим представлением о руководителе младобухарским движением, который, мне казалось, должен был иметь солидную фигуру и густую бороду.

Я не выходил из вагона, не желая показаться им и обнаружить себя.

Вторично Осман-Ходжаева я встретил в буфете Катта-Курганского вокзала.

— Куда направляетесь, эффенди? — спросил он с изысканной вежливостью, протягивая мне руку.

— В Чарджуй — соврал я. — А вы?

— Я?... В Каган.

— Ну, передайте привет каганским товарищам.

Проехав Каган, я успокоился и стал себя чувствовать свободней. Но неожиданно для себя, на ст. Фараб увидел его расхваливающим по платформе. Значит соврал, — думал я.

Утешил себя мыслью, что в Чарджуе мне удастся незаметно ускользнуть на пристань. Но на самой ступенке парохода еще раз столкнулся с ним носом к носу.

Мы секунду смотрели друг на друга смущенно и вдруг весело расхохотались.

Он положил свой чемодан на землю, снял шляпу, отер пот со лба.

— Хуш, эффенди! Что вы на это скажете!

— Ничего особенного, еду в Хиву — сказал я.

— А... Очень приятно. Я тоже.

Мы весело пожали друг другу руки. Я был рад встрече с таким веселым собеседником, с которым мне предстояло быть в пути. Дорогой мы познакомились, сошлись близко.

Он ехал по поручению младобухарской организации, с целью создать в Хиве филиал своей организации.

С ним ехал еще молодой человек, одетый по-джентльменски, с длинными, точно у английского миссионера в Китае волосами, причесанными назад. Он оказался секретарем Осман-Ходжа. Оба они говорили по-турецки. Осман-Ходжа недавно вернулся из Турции. Он бесконечно много говорил о Турции, расхваливал ее жизнь, превозносил до небес турецкую культуру.

Я предпочитал молчать о своих задачах, но по прибытии в Хиву посоветовал Осман-Ходжа воздержаться от создания организации, чтобы избежать параллелизма в работе.

Нужно сказать, что он выполнил данное при этом слово и все время пребывания в Хиве провел в качестве учителя в одной из школ.

Хивинское отделение Бухарской коммунистической партии было создано в последних числах апреля 1920 года.

С одного взгляда покажется непонятным организация в Хиве Бухарской компартии. Но дело в том, что в самой Хиве не было никакой партийной организации, способной руководить политикой правительства.

Младохивинская организация распалась немедленно по свержению ханской власти. Младохивинцы очевидно решили, что с установлением революционной власти их миссия окончена, и стали почитать на лаврах.

Вследствие этого бухарской компартии пришлось взять на себя это руководство.

Остро стоял вопрос с назначением работников. На местах в большинстве случаев у власти сидели бывшие ханские чиновники, творили свое дело по-старому, по шариату. Пришлось посылать на места, вплоть до должности председателей и секретарей туманских исполкомов, местных хивинских татар.

Нужно заметить, что бухарская компартия в деле подготовки работников сыграла значительную роль. Даже во время революционного наступления руководство отрядами восставших находилось в руках товарищей из бухарских коммунистов. Значительное количество товарищей находилось на руководящей работе в Хивинском правительстве. Между прочим, можно указать на товарищей Халим Ашурова—назира финансов и народного хозяйства, Ахмаджан Юлдашева—военного назира, Ахмет-Алимова—назира внутренних дел, Ахмет Субханкулова—члена ревтрибунала и многих других.

Революционное правительство Хивы, оставленное в первое время без партийного контроля и руководства, подпало под влияние чуждых революции элементов.

„К власти стали пробираться старые чиновники и представители крупного реакционного духовенства. В назирате юстиции оказался назначенным некий Мулла Абдулвахид Кари, ярый исламист, приверженец Мунаввар Кари. Он привлек в свой аппарат таких отъявленных реакционеров как Джалали Ишан или Адам Ахуна. Скоро наметилось ярко выраженное стремление контрреволюции подчинить своим интересам и экономическую политику правительства. Стали наблюдаться случаи нажима на бедноту и малосостоятельное дехканство, переваливание на их плечи тяжести налогов. При взимании налогов нередко стали применять старые методы—порку. Пошли в ход шариатские законы.

Это обстоятельство не могло не вызывать возмущения трудящихся, красноармейцев, ремесленников.

Следующий характерный случай явился как бы толчком к развязке.

6 мая я посетил комиссариат юстиции.

У дверей назира встретил красноармейца-казака. Он был бледен и весь трясся от возмущения и обиды. Его обнимала маленькая женщина с растрепанными волосами и неукротимо плакала, умоляя, упрасывая его о чем-то.

Красноармеец был знаком мне. Увидя меня, он сам не удержался и начал плакать как ребенок.

— В чем дело?—растерянно спросил я его.

— Вот, ее хотят отнять у меня—сказал он, указывая на женщину,—она моя жена.

— Кто отнимает?

— Абдеев. Назир Абдулвахид Кари приказал вернуть ее Абдееву.

Абдеев сам был хивинский узбек. До революции служил переводчиком у Мервского градоначальника. Среди туркменского населения славился своей жестокостью, взяточничеством. После Октября, боясь мести возмущенного населения, скрывался в разных городах. После установления революционной власти в Хиве вернулся, в надежде, что его соотечественники используют его на работе. Он не ошибся. „Революционное“ правительство недолго разбиралось в людях и назначило его на должность секретаря и управделами совета назиров. Здесь, на новой работе он стал применять свои излюбленные приемы взяточничества, вымогательства. Все жалобы населения, подаваемые на его незаконные действия, попадались в его руки и оставались без последствий.

С этой женщиной-казачкой он встретился в Мерве, воспользовавшись своей властью взял ее в жены и, недолго прожив с нею, развелся, просто прогнал ее от себя.

Женщина встретила с красноармейцем, сошлась с ним и стала жить.

В Хиве Абдеев снова встретил ее.

— Что ты, не узнаешь меня, гуляешь с чужими?—стал он упрекать ее.

Она ответила, что живет с красноармейцем.

— А я кто? Знаешь об этом? Я управделами совета назиров. Твой красноармеец мне ничто. Много я видал таких.

Угрозами и уговорами он завел женщину в свой дом, изнасиловал и, заперев, поставил караул над нею.

Улучив момент женщина сбежала к своему мужу.

Абдеев пожаловался назире юстиции Абдулвахиду. Тот послал несколько вооруженных людей, привел женщину с мужем к себе и, выслушав заявление сторон, изрек приговор.

— Женщина должна принадлежать Абдееву.

Выслушав красноармейца, я мысленно взвесил положение.

Я был советским подданным, лицом, „нейтральным“, дружественным. Вмешаться в дела правительства я не имел формального права. Но против этого вопиющего нарушения человеческих прав надо было так или иначе реагировать. Тем более, что пострадавшим оказался красноармеец.

Рассуждая так, я вошел в кабинет назира.

Он сидел за своим столом и писал распоряжение о насильственном отторжении жены красноармейца.

— Что ты пишешь?—спросил я, подойдя к столу.

Глазами полными злобы он посмотрел на меня. На лице его появилась насмешка.

— Ты кто такой и на каком основании ворвался в мой кабинет?—прокричал он, собираясь рукою дать знак своим людям.

Он прекрасно знал меня. Мы ехали вместе из Чарджуя на одном пароходе.

Это взбесило меня.

Что есть силы я ударил кулаком по столу, так что чернильница извергла поток синих чернил, забрызгала весь стол.

— Коммунист я. Вот кто я такой!—ответил я, еле сдерживая себя. Взял со стола недописанное распоряжение и разорвал на мелкие куски.

Когда я выходил из дверей назира, красноармеец ожидал меня у дверей.

— Идите домой к себе. Никто больше не будет вас тревожить—сказал им.

Я направился к врид. полпреду товарищу Шакирову и рассказал ему о случившемся. Он не одобрил моего поведения, оно могло вызвать осложнения и конфликт с Хивинским правительством. Слухи об этом событии быстро распространились среди красноармейцев гарнизона, вызвав сильнейшее возбуждение.

Вечером большая толпа красноармейцев и населения с красными флагами двинулась к зданию правительства и потребовала предания суду назира юстиции и Абдеева.

Собравшиеся на демонстрацию коммунисты выбрали из своей среды центральный комитет Хивинской компартии.

В состав комитета вошли в большинстве Бухарские коммунисты, так как среди хивинцев не много было коммунистов со стажем.

За свой поступок я получил выговор от полпредства.

II.

Однажды в пятницу состоялось чрезвычайное заседание бухарских коммунистов. На повестке дня стоял доклад-сообщение Фаткулла Камилова.

Всякое собрание, где выступал т. Камилов, обычно принимало форму чрезвычайного, так как он всегда сообщал самые важные новости.

Вообще Камилов был „чрезвычайным“ человеком. У него всегда самые свежие новости. Это живая газета Хивы.

Что случилось вчера в городе? Кого или какое учреждение обокрали? Какой назир вчера спал с бачой? Какой торговец получил откуда товар?—на все эти вопросы у него всегда был готов ответ.

Его сообщения почти всегда оказывались верными. Например, однажды он сообщил нам о тайном совещании мулл в медресе Мухамед-Эмин-хана.

Сперва мы отнеслись к этому сообщению с недоверием. Ну, откуда у мулл такая смелость: собраться и организовать контрреволюцию? думали мы. Но через два-три дня правительство получило ультимативное требование со стороны нескольких сот мулл о сохранении законов шариата в Хиве. Для подтверждения этих требований 23 июня был организован большой митинг мулл, который был разогнан вооруженной силой, и главари муллы были арестованы.

После этого мы стали относиться к сообщениям Камилова с большим доверием.

Итак, на чрезвычайное заседание собрались все имеющиеся в Хиве бухарские коммунисты.

Камилов долго обводил собравшихся глазами, пересчитал несколько раз, записал имена и фамилии собравшихся и, приняв торжественную позу, объявил заседание открытым.

— Братья...—начал он торжественно, как будто собрался оповестить о перевороте во всем мире,—братья...

— Объявляю сегодняшнее чрезвычайное собрание открытым...

— Хоп! Дальше...

Камилов грозно посмотрел на осмелившегося нарушить торжество своим вмешательством и, выдержав штрафную паузу, начал по существу вопроса.

— Реакция в Бухаре усилилась до крайних пределов. В Бухару воспрещен въезд советским гражданам. Ворота Бухары закрыты для советских товаров. Через Афганистан и Персию в Бухару съезжаются английские и русские офицеры. Правительство эмира спешно закупает оружие для борьбы с Красной армией. Из Афганистана на слонах доставлено шесть орудий. Участились случаи нападения эмирских войск на поезда, идущие между Чарджуем и Каганом.

— О, братья по оружию! Приближаются дни, когда нам с оружием в руках придется идти свергать эмирскую деспотию. Восточный полк младобухарцев уже получил распоряжение о боевой готовности. И нам скоро придется услышать этот призыв. Так будьте же готовы!—закончил он свою речь.

Для нас, оторванных от своего дома, семьи и вынужденных пребывать на чужбине, едва ли могла быть весть более радостная, чем эта весть о приближении борьбы с непримиримым врагом трудящихся Бухары—эмиром. Долго

аплодировали собравшиеся, не давая ему продолжать свою мысль.

Оказалось, что все это он говорил в виде предисловия, а основная мысль его была впереди.

— Я предлагаю объявить беспощадную войну эмиру и его правительству!

Мы не знали, как отнестись к его предложению.

Объявить от имени Хивинского комитета бухарских коммунистов войну эмиру. Но это ведь было абсурдом. Правда, в нашем распоряжении имелось около 700 вооруженных туркмен, собранных при посредстве Пишим Сердара. Да в случае наступления мы могли опираться на помощь многих и многих. Но все же этот шаг явился бы только авантюрой и не дал бы нужных результатов.

Из собравшихся с защитой предложения Камилова выступил один Пишим Сердар. Он до сих пор ни разу не выступал на трибуне, да и не выступил бы, если бы не был возбужден словом „война“. Запах борьбы придал ему смелости, и он с трибуны произнес пламенную воинственную речь.

Больше никто не выступал в защиту предложения, и оно было провалено без голосования.

Проходили дни за днями. Приехавшие со стороны Бухары караваны приносили вести, подтверждающие правильность сообщения Камилова. Скоро нам стали известны еще некоторые подробности бухарской жизни.

Кази Келян (главный везир) Бурганетдин созвал всех мулл, муфтиев и улема. На собрании обсуждался вопрос о возможной войне с советами. Обсуждался вопрос как поступить с джадидами, уцелевшими от резни 18 года и до сих пор проживающими в „Священной“ Бухаре. После долгих обсуждений было принято предложение самаркандского муллы Гибада об обращении к эмиру и Куш-беги с предложением арестовать всех бухарских джадидов и революционеров.

Эмир не преминул воспользоваться этим, и уже приняты меры к аресту всех, заподозренных в революционности.

Эти сообщения, иногда преувеличенные, доведенные до чудовищных размеров, приводили нас в уныние. Строились различные планы, догадки. Одни предлагали немедленно двинуться на Бухару, разнести трон деспота. Другие предлагали обратиться к советскому консулу с просьбой дипломатическим путем воздействовать на эмира. В общем мысль об отъезде из Хивы становилась все более популярной. Но увы! Уехать из Хивы не так-то легко!

В первую очередь для поездки необходимо было иметь разрешение центрального комитета. Но если бы этот вопрос и был разрешен, то на пути стоял не менее трудный вопрос—

средства передвижения. Пароходы не ходили. На лодке надо было потратить не меньше одного месяца. Но этот путь кишел опасностями, так как Аму-Дарья по всей Бухарской территории была в руках эмирских войск. Для того, чтобы прорвать их заграждения, надо было иметь отряд минимум в 30-40 человек. Караванным путем можно было двигаться в двух направлениях. Первое, это из Дурт-Куля в Казалинск, (оттуда по железной дороге), второе—через Муйнак, по Аральскому морю до жел.-дор. ст. Аральское море. Продолжительность пути по последнему направлению колебалась от одного до шести месяцев.

Казалинская дорога была на много короче, но она обладала особенностью, которая навсегда заставляла отказаться от нее. Дело в том, что, начиная с самого Дурт Куля вплоть до Казалинска, тянутся бесконечные пески. По пути имеется всего-на-всего четыре—пять колодцев. В них хранится вода, насыщенная серно-кислой магнезией. Употребление ее вызывает такое расстройство желудка, что редко кто дотягивает до конца дороги.

Итак, сколько бы мы ни рвались, сколько бы ни стремились в бой, мы были бессильны, и нам ничего не оставалось, как питаться слухами, изредка получаемыми сообщениями и ждать развертывания событий. Они не заставили себя долго ждать.

V.

Было первое августа.

Невыносимая жара начала спадать, и дни становились приятными. Пospели фрукты. Полные кисти винограда склонялись к земле в ожидании, когда садовник срежет их для возделывания вкусного шербета.

Наш дом был расположен на южной стороне. Солнце с раннего утра так беспощадно палило нас, что ночами мы мучились, не будучи в состоянии заснуть, сомкнуть глаза. В довершение всего в результате беспризорной холостяцкой жизни завелась масса насекомых. Хивинская блоха по своей жестокости и кровожадности нисколько не отстает от дюшамбинской.

Мы сидели за вечерним чаем, наслаждаясь опускавшейся на землю прохладой, предвкушая приятный сон. В это время рассылный военного назирата принес телеграмму на имя комитета бухарской компартии.

Телеграмма была из Ташкента, от центрального комитета бухкомпартии.

По прочтении текста телеграммы я долго вертел ее в руках, не будучи в состоянии произнести от волнения слова.

— Товарищи...—сказал я прерывающимся голосом—товарищи! Центральный комитет приказывает всем нам немедленно выехать в Бухару.

Лица присутствующих прояснились. Кто-то стоящий у самого хауза (озерок в саду) бултыхнулся в воду.

Стали вырывать телеграмму из моих рук, по буквам прочитывать, переводить ее на свой язык. Прочтя, целовали, растирали ею глаза. Не прошло и часа времени, как все проживающие в Хиве бухарские коммунисты собрались во дворе Гибадуллы тюре.

Большой праздник был в этот день для бухарских революционеров! Никто не ел, не пил. А все говорили, делились впечатлениями, возбужденно ораторствовали, перебивая друг друга.

А на следующий день, 2 августа, мы последний раз собрались на общегородское собрание, где было решено выделить часть коммунистов, которые должны были совместно с Пишим Сердаром до особого распоряжения оставаться в Хиве. На эту группу возлагалось оказание нужной помощи туркменскому отряду Пишим Сердара и по получении приказа из центра двинуться с отрядом в Чарджуй.

4 августа мы распростились с Хивой и его населением. Пожелав им счастливой жизни, двинулись в Дурт-Куль. Там, в ожидании нас, готовым к отплытию, стоял пароход Аму-Дарьинской флотилии „Самарканд“.

День был тихий, безветренный. Светлые облака не создавали, как обычно, беспокойные ветры, а ласково заслоняли от нас палящие лучи солнца. А гладкая поверхность реки Аму уходила в даль, скрывалась в каком-то тумане. Сегодня природа была особенно нарядна, такая, какой не была никогда до сих пор. А кругом бесконечная пустыня. Жуткая и величественная в своем молчании.

Много раз мы были в этих пустынях и многое пережили, борясь со смертью и жаждой. Теперь я мысленно прощался с ними.

Прощайте, пески! Вы долго были свидетелями исторических событий, долго молча следили за всем, что происходило перед вашими глазами.

А теперь вот видите нас, людей, уходящих, чтобы вступить в борьбу с кровавым деспотом-эмиром.

Высоко на небе пролетели гуси. Самый задний из них издавал гортанный звук, словно приветствовал нас, едуших на борьбу. Сердце сжималось от зависти при мысли, что эти птицы через десять часов будут летать над Бухарой, Чарджуем, куда нам надо ехать еще много дней.

День склонялся к вечеру. Штурман нашего парохода, седобородый уральский казак, дернул шнур гудка и мощный свист оповестил об отплытии парохода. Я до сих пор не верил в отход, казалось, что непредвиденное обстоятельство задержит нас. Мои товарищи также стали от возбуждения бегать по палубе, радуясь словно дети.

Пароход тихо отошел от берега, с каждой минутой приближая нас к долгожданной стране.

VI.

На двенадцатый день отъезда наш пароход причалил к чарджуйской пристани.

Нас встретили командир отряда чарджуйского отделения партии Мирза Гулям Абдурахимов и секретарь комитета Шейх Хасан Галеев.

Ночевали в Чарджуе. Шейх-Хасан нас ознакомил с положением дел.

Все сведения о положении в Бухаре подтвердились. Оказалось, что большинство революционеров заключено в тюрьму. Положение остальных также невыносимое. Никакой организации в старой Бухаре не существует. (Правда, на бумаге существовала организация, секретарем которой считался некий Шаукет Сулеймани. Он хвалился, что тайная организация в Бухаре работает хорошо, и что там имеется до пяти тысяч членов. Впоследствии оказалось, что он эти дутые сведения давал исключительно для получения денег из комитета. Фактически же никакой революционной организации в тогдашней Старой Бухаре не было и не могло быть. А Шаукет Сулеймани впоследствии оказался просто на просто провокатором). Недовольство населения эмирской деспотией с каждым днем усиливалось. В Хатырчи, Кермене и Зиятдине было несколько стихийных восстаний дехкан.

Решено в ближайшие дни созвать четвертый курултай партии.

На повестке дня курултая: современное состояние Бухары, отношение компартии к создавшемуся положению и другие практические вопросы.

Уже из предварительного обмена мнений выясняется, что подавляющее большинство членов партии стоит на стороне принятия решительных мер, считает в настоящих условиях бездеятельность преступлением.

Сочувствие населения безусловно на нашей стороне. В этом не может быть никакого сомнения. Надо только создать правильное и умелое руководство массами. Для этого требуется согласованность действия двух партий—младобухарской и коммунистической партии Бухары. В виду общности

стремлении обеих партий перед нами стоит вопрос о согласовании и, при возможности, объединении партий. Часть наших членов с самого начала стояла за такое объединение. Но большинство против.

Помимо разногласия между младобухарцами и коммунистами, имелись разногласия между членами самой коммунистической организации.

Эти разногласия склочного характера начались с недовольства части членов комитета против секретаря комитета тов. Хусаинова. Плохо ли, хорошо ли, Хусаинов в продолжении трех лет был секретарем центральной организации и пользовался известным доверием перед партией.

В течение этих трех лет не было ни одного открытого выступления и выражения недовольства против тов. Хусаинова. Однако, в самый последний момент, перед решительными боями, начались склоки. Одним из наиболее ярых противников оказался Исак Агдаров. Этот человек, впоследствии, в 22 году замешанный в предательстве Мухитдин Максума, Шаукет Сулемани и Джура Искандерова и просидевший в ЧК более девяти месяцев, до сего времени расточал по адресу Хусаинова лишь похвалы. Но он вдруг сделался его врагом и стал вести агитацию, организуя против руководства комитета группы. Несмотря на то, что он сам был председателем ревизионной комиссии и мог, в случае наличия злоупотребления, пользуясь своими правами ревкомиссии, быстро обнаружить их, он вместо открытой борьбы стал применять методы недопустимой фракционности, оклеветания Хусаинова. Лишь впоследствии стала известна причина этой вражды: оказывается, он при распределении обязанностей между работниками на случай победы революции, претендовал на портфель наркома. Вместо этого секретариат поручил ему одну из боевых и ответственных должностей — военкома восточного полка. Это то и не понравилось Агдарову. Быть на боевой работе, рисковать своей драгоценной жизнью, не входило в расчеты этого человека.

Для достижения своих целей он пустился на следующий провокационный шаг.

Центральный комитет бухкомпартии получает телеграмму: „Мы, Катта-Курганское, Каганское и Самаркандское отделения компартии Бухары созвали конференцию, на которой, обсудив вопрос о злоупотреблениях Н. Хусаинова, решили снять последнего с должности и заменить его Мирза-Биграмом Ахмедовым“.

По расследовании оказалось, что никакой конференции трех филиалов не было, и телеграмма составлена и написана одним Агдаровым.

После этого Агдаров скрывается на некоторое время с горизонта.

Я не утверждаю, что Хусаинов был достойным вождем бухарской организации. Но хочу лишь указать на наличие в рядах бухарских коммунистов в самые серьезные моменты таких разногласий. Эти разногласия имели место и в последующем, они тормозили развитие нашего строительства и борьбу с басмачеством.

VII.

Бухарская коммунистическая партия организовалась в 1918 году в последних числах октября в Ташкенте.

Организаторами были: Газимжан, Нажиб Хусаинов, Абдурашид Мирмукамилов, Мухитдин Максум Ходжаев (впоследствии замешан в басмаческом движении и расстрелян), Мулла Гаяз Абдуссамадов (получил ранение на Оренбургском фронте, и в 22 году умер от осложнения раны) Мулла Джура и Фаткулла (убит на Хивинском фронте).

Товарищ Газимжан был одним из талантливых и энергичных организаторов и руководителей организации. В 19 году он заболел в Ташкенте тифом и умер от осложнения болезни. Т. Газимжан был первым секретарем вновь созданной организации. Он объединил под программой компартии младобухарцев, бежавших после Колесовских событий в 18 году из Бухары, оказывал им моральную и материальную помощь. Он был также инициатором создания филиалов компартии на местах.

До первого съезда партии было организовано только одно отделение в Кагане. На это отделение возлагалось руководство подпольной организацией в старой Бухаре, ведение агитации среди эмирских солдат, распространение прокламации среди населения, терроризация эмирских чиновников, организуя в нужные моменты нападения, и друг. обязанности.

Каганское отделение работало в исключительно тяжелых условиях. После Колесовских событий власть в Кагане на долгое время оставалась целиком в руках эмира. Отделение справилось почти со всеми задачами, за исключением взрыва порохового склада в старой Бухаре и убийства самого эмира.

Взрыв склада был сорван предательством провокатора, и исполнитель его (имя не помню), специалист порохового дела, погиб от руки эмирских палачей.

Эмирское правительство несколько раз ставило перед советским консулом т. Шмидтом вопрос о выселении активных работников организации — Хаджи-Хасан Ибрагимова, Галимжан Акчурина. После этого Каганское отделение было загнано в подполье. Самым опасным и ярым врагом Каганской организации в то время являлся переводчик наместника эмира в

Кагане Караул-беги Ишмурат Ашрафи. Он в свое время представил правительству докладную записку о выселении из Кагана 30 человек наиболее опасных для власти людей.

В октябре 18 года компартия с целью организации младобухарцев, бежавших из своей страны в связи с Колесовскими событиями, созывает общее собрание.

На собрании ставится вопрос об организации всех младобухарцев в единую организацию под руководством компартии. Нужно сказать, что часть младобухарцев по прибытии в Ташкент успела спеться с левым эсэрами и войти в их организацию.

С открытием собрания левоэсэровская часть младобухарцев пытается сорвать собрание, устраивает обструкцию. После восстановления порядка удается приступить к обсуждению вопроса. Абдулвахид Бурганов, Муинжан Аминов выступают против идеи создания единой организации.

Происходит раскол собравшихся. Сторонники компартии создают тут же центральный комитет партии. Противники образуют младобухарскую организацию левых эсэров.

К левым эсэрам примыкают следующие работники:

Атаходжа Пулат Ходжаев, Осман-Ходжа Пулат Ходжаев, Муин Джан Максум Аминов, Кари Юлдаш Пулатов, Раушан Баймуратов, Ахметжан Юлдашев, Касим Максум Кариев, Садык Мухамеди.

К коммунистам примкнули:

Газимжан, Абдурашид Мукамилов, Мулла Гауз, Мулла Джура Искандеров, Гулям Касимов, Халим Гашуров, Ахмед Галеев, Фаткулла, Уртук, Сагадат Максум, Муитдин Максум Ходжаев.

Кроме упомянутых еще остались так называемые нейтральные автономисты. К ним принадлежат: Ахмеджан Максум Абусаидов, Абдулвахид Буганов, Салават Максум и другие.

Некоторые, как например, Парса Ходжа и Гиззатулла Аминов отошли от всякой революционной работы и уехали в Кашгарию, чтобы торговлей нажить себе состояние. Рахмет Рафиков и Аслан Ходжа Умер Ходжаев уехали в Баку.

Аслан Ходжа из Баку направился в Персию и там пробыл до революции. Дальнейшая судьба его мне остается неизвестной.

С начала организации до первого партийного курултая Каганское отделение проявляет оживленную деятельность. Благодаря его агитации учащаются случаи перебежки эмирских войск на нашу сторону.

В районах Хатрчи, Зиатдин и Кермине благодаря агитации компартии усиливается недовольство дехканского насе-

ния. Лозунгом для агитации служат все увеличивающиеся налоги (к которым в последнее время прибавляется военный налог), объявленная эмиром всеобщая мобилизация. Такой шаг эмирского правительства, впервые в истории Бухары отменившего сарбазскую (наемную) систему военной службы и введенного всеобщую воинскую повинность (правда, только на бумаге), служит хорошей пищей для агитации бухарских коммунистов. Население начинает отказываться от уплаты налогов и дачи солдат. Эмирские чиновники теряют остатки своего престижа.

С целью восстановления своего престижа эмирское правительство издает чрезвычайный закон о предоставлении местным властям права выносить смертные приговоры и приводить их в исполнение.

VIII.

В июне 1918 года в Ташкенте был созван первый партийный курултай (съезд). На съезде присутствовали с правом решающего голоса 14 членов.

На повестке дня стояли три вопроса:

1. Доклад каганской организации, 2. Организационные вопросы и 3. Выборы.

По заслушании доклада каганской организации было решено на местах организовать сеть филиалов. В первую очередь организуются отделы в Чарджуе, в Старой Бухаре, Самарканде, Катта-Кургане, Термезе, Керках, Мерве и назначаются ответственные лица в каждое отделение.

В Чарджуй назначается Хасан Галеев.

„ Каган—Галимжан Акчурин.

„ Самарканд—Мир Мухсин Такиев.

„ Мерв—Исмагил Касимов.

„ Керки—Раушан Баимурадов.

„ Термез—Гибадулла Пучин.

„ Старую Бухару—Абдулла-бек.

Абдулла-бек был отважным и бесстрашным работником. Он, не взирая на опасности, оставался все время в Бухаре и несколько раз просидел в эмирской тюрьме. 1 сентября 20 года, т.е. за день до занятия Бухары красными отрядами, он был растерзан в тюрьме эмирскими палачами.

Секретарем центрального комитета избирается т. Н. Хусаинов. Членами: Биграм Ахметов, Исак Акдаров, Хаджи Мир Баба, а от левых эсэров Осман Ходжа.

В промежутке между первым и вторым курултаями партия значительно выросла и окрепла. Одних перебежчиков из

эмирской армии насчитывается сотня. Каганское отделение организует отряд в 30 человек афганцев и производит налет на эмирскую почту, идущую с Каршинского направления. Это предприятие удастся блестяще, и в руки организации попадают ценные документы. Усиленно распространяются прокламации среди дехкан. В последнее время учащаются случаи прихода в комитет из соседних селений дехкан за советом и прокламациями.

Деятельность коммунистов начинает тревожить эмирское правительство не на шутку. Оно предъявляет советскому консулу ультимативное требование о разгоне организации в Кагане, Чарджуе и Керках.

Особенную деятельность проявляет Чарджуйское отделение. Под влиянием агитации туркменские дехкане отказываются платить эмирскому правительству налоги и продавать каракуль, который является для правительства валютой при покупке им оружия. До 20 года в Чарджуйском вилайете было убито до тридцати эмирских чиновников, зарекомендовавших себя как наиболее ревностных исполнителей воли деспота.

В ряде местностей, в старых городах, организуются ячейки партии. Члены все вооружаются. Хорошо работают Керкинское и Термезское отделения. Партийные дружины непрерывно следят за афганской границей, всячески препятствуют установлению связи эмирского правительства с Афганистаном.

Осенью 19 года члены младобухарской лево-эсеровской организации, под влиянием удара, полученного этой мелкобуржуазной партией во всероссийском масштабе, решают ликвидировать эсеровскую организацию и поступить в компартию.

Относясь чутко ко всем начинаниям, могущим усилить организацию, компартия, в лице ее ЦК, решает принять их в свои ряды, при обязательном условии беспрекословного подчинения всем требованиям партии.

Однако, большинство из них оказались неспособными к серьезной работе прохвостами. Многие не выполняли возложенных на них обязанностей. Отказывались ехать на работу, связанную с той или иной опасностью. Некоторые делали попытки расстроить ряды компартии.

Проходит недолгое время, и Осман Ходжа, Бахшулханов, Гисмат Чутр, Ата Ходжа исключаются из рядов партии. Из них Гисмат Чутр впоследствии оказался замешанным в басмаческом движении и расстрелян.

IX.

В сентябре 19 года созывается второй партийный курултай. На повестке дня стоят вопросы:

1. Утверждение постановления ЦК об исключениях.
2. Тактика революционеров и об интригах против коммунистов.

3. Выборы.

На съезде принимают участие до 20 делегатов.

По первому вопросу решение ЦК об исключении вышеупомянутых членов из рядов партии утверждается при единичных голосах против.

Второй вопрос повестки дня был поставлен в связи с тем, что ряд исключенных из партии работников, под руководством члена ЦК Хаджи Мир-Баба, ведут фракционную работу, ссылаясь на безбожье коммунистов.

— У них нет ни аллаха, ни пророка.

— Они против брака, за случайное сожительство.

Вот лозунги, которыми орудуют оппозиционеры. Они сами не отрицают своей оппозиционной работы. Осман Ходжа даже об этом открыто говорит на съезде и, разгорячившись, стукнул кулаком по столу президиума.

— Не позволим мы вам бухарский народ сделать безбожным!

Суд коммунистов короток: Осман Ходжа без дальнейших разговоров был вышвырнут со съезда.

В дальнейшем съезд объявляет фракционную работу в этом направлении контрреволюционной и признает необходимым принять против них решительные меры воздействия.

Состав ЦК оставляется старым. Только взамен исключенного Мир-Баба вводятся Мухитдин Ходжаев и Садык Мухаммадеев.

Выясняется, что в период времени между двумя курултаями ряды партии заметно окрепли. Среди каючников (лодочники) Чарджуя организуются ячейки, для работы среди них посылаются Иргаш-Ага,¹ один из активных и энергичных членов партии. При помощи лодочников партийная агитация находит распространение по всей Аму-Дарье, вплоть до афганской границы.

Другой, не менее энергичный член партии, Пишим Сердар¹ организует из чарджуйских туркмен отряд в 400 человек

¹ Оба эти члена партии, оказавшие в нужные моменты партии столь ценные услуги, впоследствии, в 20 году, приговором бухарского трибунала были расстреляны. Мне так и не удалось узнать сущность обвинения против них.

и производит налеты на старый Чарджуй, терроризует эмирских чиновников, грабит правительственную почту.

Совершается несколько нападений на правительственные караваны, идущие со стороны Мерва в Бухару с транспортом оружия. Наиболее активными членами чарджуйской организации были: Иргаш Ага, Пишим Сердар, Хасан Галеев и Кучкаров.

В промежутке между двумя курултаями ЦК созывает пленум, на котором рассматриваются вопросы о подготовке к борьбе. По вопросу о военной организации было решено для подготовки командиров будущей бухарской армии организовать командные курсы, а в Самарканде стрелковый полк.

С этой целью ЦК командировал к члену ревсовета Асхабадского фронта т. Паскуцкому своих членов Хусайнова и Акчурина. Эти курсы организуются при непосредственной материальной и моральной поддержке ревсовета фронта, и ЦК командировал для учения на курсы до 90 курсантов.

Для препятствия установлению связи между эмирским правительством и англичанами через Афганистан партия организует и посылает вооруженные силы в Чарджуй, Байрам-Али. Начальником дружины в Чарджуе назначается т. Гулям Абдурахимов и после него Кулмамедов.

В конце 19 года ЦК издает журнал „Танг“ (Заря).

В составе редколлегии работают: Н. Хусайнов, Булат Салеев, Абдрауф Фитрат, Ахмаетжан Максум, Лутфи Исхаки, Абдулла Биги.

Преобладание в составе редколлегии интеллигенции сказывается на работе журнала: в нем преобладают литературно-публицистические статьи, вместо нужных политико-экономических. Вследствие этого, журнал не мог пользоваться достаточной популярностью и прекратил свое существование после трех номеров.

Х.

Эмирская Бухара усиленно готовится к войне с Советской властью. Через афганскую границу непрерывно двигаются караваны с оружием. В Бухару съезжаются все силы контрреволюции. Эмирская армия спешно реорганизуется под руководством русских белогвардейских офицеров.

Ворота Бухары окончательно закрываются для советских граждан. Учащаются налеты эмирских войск на проходящие по Закаспийской железной дороге поезда.

С целью наилучшей подготовки к борьбе с эмирской властью партия созвала в феврале 20 года 3-й курултай.

На съезде присутствуют:

от Чарджуйской организации.	2
„ Везирабада	5
„ Самарканда	1
„ Катта-Кургана	2
„ Термеза	2
„ Керков	2

и от остальных ячеек, всего 25 делегатов.

Повестка дня курултая:

1. Отношение партии к революционерам.
2. О продолжении и развитии командных курсов в Асхабаде.
3. Организация новых партийных дружин.

Обсуждение первого вопроса растягивается надолго. В виду отсутствия практических предложений со стороны ЦК этот вопрос запутывается.

В результате съезд откладывает вынесенные резолюции до 4-го курултая.

По второму вопросу, в виду критического материального положения курсов, поручается ЦК усилить заботы над курсами, изыскав необходимые суммы.

По вопросу организации партийных дружин съезд находит удовлетворительной проделанную ЦК работу и поручает продолжать работу в таком же духе. На основании этого постановления в Самарканде организуется восточный полк в составе 1600 человек. Командиром полка назначается т. Бажранов, военкомом Исак Агдаров. Политсотрудниками т.т. Мирза Журя Искандеров, Мулла Журя, Мирза Айваз Абсамадов.

Вместо прекратившего существование журнала „Танг“ начинает выходить газета „Кутулуш“ (Освобождение). Ответственным руководителем газеты назначается ЦК в полном составе (в лице своего руководства), а техническим секретарем Мирза Абдулкадир Мухитдинов.

Газета эта издается с тиражом в 3000 экземпляров и распространяется среди бухарского населения. Газета уделяет серьезное внимание политико-экономическим вопросам, разоблачает грабительскую политику эмира, его расточительство, благодаря чему пользуется популярностью среди населения.

Газета эта, главным образом, служит руководством для актива, давая ему материал для агитации против эмирской власти среди дехканства.

А между тем эмирская реакция продолжает свою жестокую расправу с революционерами.

С места поступали ультимативные требования:

—Больше мы не можем смотреть на этот произвол, на то, как эмирские чиновники физически истребляют всех более или менее сознательных людей.

—Каждому терпению бывает конец. Если ЦК не возьмет на себя руководство борьбой, мы сами двинемся на борьбу. Мы достаточно вооружены и сильны!

—Довольно бездеятельности! Да здравствует борьба с эмирским правительством!

Для практического осуществления этих требований ЦК, наконец, решил созвать 5 августа 1920 года в Катта-Кургане 4-й курултай

Впоследствии по некоторым соображениям было решено перенести время открытия съезда на 26 августа, а место созыва в Чарджуй.

У всех членов партии, и революционеров царил уверенность, что курултай будет историческим сигналом к началу свержения эмирской власти и установлению в Бухаре, в этой наиболее обездоленной стране, революционной власти, власти восставшего трудящегося люда.

XI.

4-й курултай открылся в условное время, 16 августа, в десять часов утра в помещении чарджуйского цирка.

Помещение было разукрашено лозунгами, призывающими к свержению эмирской деспотии и установлению революционной власти в Бухаре.

Трудовое население встретило открытие курултая по праздничному. Вокруг помещения толпилась нарядно и по праздничному ярко одетая толпа. Многие чайханы и ашханы разукрашены красными флагами.

Мы, группа делегатов, в ожидании курултая сидели перед зданием цирка и вели между собою беседу. В это время мимо нас проехал фаэтонщик. Его лошадь и весь фаэтон были разукрашены красными флажками, а сам он выкрикивал лозунги:

—Да здравствует Бухарская революция!

Это сильно подействовало на всех нас, и мы живо почувствовали на себе взоры и ожидания сотни тысяч людей.

—Да, этот курултай должен быть последним, организуемым в стороне от Бухары. Следующий курултай должен обязательно происходить в эмирском дворце, в Старой Бухаре,—сказал один из нас.

—И охраняться ангелами,—шутя добавил другой.

—Ну, ангелы пускай охраняют своего эмира. А мы пока что обойдемся и без них.

В курултай были представлены организации:

Новая Бухара (Каган),

Чарджуй,

Самарканд,

Катта-Курган,

Мерв,

Сакар-Базар,

Денау,

Керки,

Термез,

Каваклы,

Ильчик,

Зирабад.

Норма представительства была установлена: один делегат от ячейки до десяти человек, от десяти до двадцати пяти человек два делегата, дальше три, и на каждые двадцать делегатов по одному...

На съезде присутствовало всего 86 делегатов с решающим и 24 с совещательным голосами. Представители подпольных организаций, всего в количестве 11 человек, были допущены на съезд с решающими голосами, независимо от количества выбравших их организаций.

На повестке дня курултая стояли следующие вопросы:

1. О текущем моменте—докладчик С. Юсупов.

2. Доклад ЦК—Н. Хусаинов.

3. О взаимоотношениях между революционерами и коммунистами—Г. Акчурин.

4. Отношение бухкомпартии к современному положению Бухары—докладчики: Н. Хусаинов, Г. Акчурин, Мулла Гуаз Абсамадов.

5. О военной организации—докладчик Кул Мухаммедов и Мирза Гулям Абдурахимов.

6. Выборы.

В назначенное время—в десять утра—делегаты заняли свои места. Помещение цирка было битком набито гостями, сочувствующими, представителями трудящихся Чарджуя и его районов.

Охвативший всех энтузиазм вылился наружу в форме бурных оваций, когда за председательским столом появился секретарь ЦК Хусаинов. От приветствий и возгласов задрожало помещение цирка. Охваченный общим настроением, я оглянулся кругом. Седой старик, старейший член нашей организации, перс Хасан-Тага, чей сын был зверски убит эмиром, стоя на стуле, выкрикивал какой-то лозунг. Из глаз его текли слезы, он захлебывался в них, и, обессилив, сел на место. Многие плакали, возносили руки к небу.

—Да здравствует Бухарская революция!

—Смерть эмиру!

—Спасем из эмирских темниц революционеров!

Долго, в течение многих минут не смолкала овация.

Наконец, председательский звонок начал брать верх, и съезд приступил к первой части своей работы—выборам президиума.

В президиум были выбраны:

1. Мулла Гуаз Абсамадов.
2. Абдурашид Мирмукамилов.
3. Мирза Биграм Ахмедов.
4. Шейх Хасан-Галеев.
5. Нажиб Хусаинов.
6. Галимжан Акчурин.
7. Арифов.
8. Сабиржан Юсупов.
9. Мирмухсин Такеев.
10. Нажаф Курбанов.
11. Махтаржан Саиджанов.
12. Ахмед Субханкулов.
13. Сагадат Максум.
14. Халим Ашуров.
15. Ахмед Алимов.

В почетный президиум были избраны: Ленин, Крупская, Сталин, Троцкий, Бухарин, Калинин.

Здесь не буду подробно останавливаться на всех вопросах, рассмотренных на курултае. Это заняло бы много времени. Наиболее заслуживающими внимания были следующие три вопроса порядка дня.

Первый вопрос: о взаимоотношении с революционерами. Под революционерами в первую очередь подразумевали младобухарцев. Нужно указать, что младобухарская организация к этому времени представляла уже реальную силу. Еще в январе 20 года из Москвы вернулся Файзулла Ходжаев и организовал младобухарский комитет. Председателем комитета избран был Ф. Ходжаев, секретарем Саид Ахрари, членами: Муинжан Аминов, Кари Юлдаш, Ата Ходжаев, Осман Ходжаев.

Как уже было упомянуто выше, вопрос о взаимоотношении с ними на третьем курултае не был решен в окончательной форме и был отложен до 4 курултая. Теперь, перед решающими днями, этот вопрос принял острую форму. Мы ни на минуту не сомневались в социальной сущности джадизма, а также и младобухарцев, хотя это последнее не было одно и то же. В обычных условиях любого капиталистического государства они, со своими довольно скромными тре-

бованиями реформ, являлись бы самой желанной правительственной оппозицией, и все их требования уложились бы в рамки буржуазного парламентаризма. Но в условиях эмирской деспотии, где вся власть находилась в руках реакционного духовенства, представляющего средневековый феодализм, эти невинные реформисты оказались в роли самых опасных революционеров. Эмирское правительство наряду с коммунистами преследовало и беспощадно расправлялось также с ними (носящими общее название „Джадидов“), и они силой вещей вынуждены были во главу угла своей программы ставить требование политического характера—свержение эмира.

В этих условиях выяснение вопроса о взаимоотношениях с младобухарцами приобретало характер создания единого фронта. Доклад этот был возложен на меня, и я сам был склонен к мысли о создании такого единства.

Однако, в рядах нашей организации существовали на этот вопрос противоречивые мнения. Часть наиболее „левых“ членов категорически возражала против установления единого фронта.

Еще до открытия курултая эти товарищи, узнав, что докладчиком по данному вопросу являюсь я, начали упрекать меня в примиренчестве.

Товарищи Шейх Хасан Галеев, Мирза Биграм Ахмедов и Иргаш Дарга, встретив, начали укорять меня в „измене“.

— Нас... коммунистов, соединить с Файзуллой Ходжаевым! Никогда...—говорил Мирза Биграм.

— Никогда мы не станем в одних рядах с Файзуллой!

Когда я взшел на трибуну, чтобы начать свой доклад, со стороны делегатов раздались отдельные возгласы.

— Долой! Нам такого докладчика не надо!

Кричал Мирза Гулям Абдурахимов.

— Сам ты откуда происхождением?

Начал было ругаться, стуча кулаком по трибуне. Но председатель с трудом остановил его.

В отдельных возгласах и репликах делегатов чувствовалось подозрение в моей личной связи с младобухарцами и личной заинтересованности в этом вопросе. Это стало невыносимо, и я заявил:

— Товарищи! Я никаких личных связей с революционерами не имею. Доклад не выдуман мною. Тезисы доклада согласованы с руководством ЦК, и я выполняю волю ЦК. Если вам не угодно слушать... я могу оставить трибуну.

И начал сходить с трибуны.

— Просим, просим!..

Пятнадцатиминутный доклад мой затянулся на три часа. Его много раз прерывали репликами, враждебными возгла-

сами. Во время своего доклада я заметил в зале среди делегатов следующее явление.

Абдул КаDIR Мухитдинов, не будучи делегатом, сидел за корреспондентским столом, как представитель печати (газеты „Кутулуш“). Во время моего доклада он встал со своего места и начал ходить среди делегатов. Чаще всего он подходил к Гулям Кадиру, Шейх Хасан Галееву и Иргаш Дарга, к тем, кто наиболее активно протестовал против моего доклада и устраивал обструкцию. Гулям КаDIR подошел к Сагдулла Абдуллаеву и шепчет ему на ухо о чем-то. Тот встает со своего места, подлетает к трибуне и, прервав меня, взмахивая кулаками, начинает ругать Файзуллу Ходжаева. Для меня становится ясной причина столь крутой оппозиции: вдохновителем ее является Мухитдинов, который, будучи в партии, в то же время представляет правое нац. крыло младобухарцев и находится в вражде с Файзуллой. Тогда я, вынужденный отклониться от основной темы доклада, предлагаю курултаю вывести Мухитдинова со съезда. В ответ на это Гулям Кадыров вносит предложение: дать право голоса Абдул Кадыр Мухитдинову. Голосованием принимается мое предложение, и Мухитдинов удаляется с курултая. Вслед за ним демонстративно уходят Гулям КаDIR, Шейх Хасан Галеев и Иргаш Дарга.

Доклад занял целое заседание, и вынесение практических предложений переносится на следующее заседание.

На этом заседании я от имени ЦК вношу предложение: „Признать в принципе необходимым объединение младобухарцев и коммунистов. Съезд полагает возможным начать совместную работу с младобухарцами, а после победы революции оформить это объединение и организационно“.

Мое предложение вызывает в зале невообразимый шум. Сразу заговорили все. В шуме нельзя разобрать ни одного слова.

Шейх Хасан Галеев, Мирза БиграM и Абдулла Сагдуллаев вносят предложение: расстрелять Файзуллу Ходжаева (он в это время был в Чарджуе).

Это головотяпское предложение значительно помогло разрешению вопроса. Своим предложением оппозиция поставила себя в смешное положение. Авторы предложения были вынуждены под общий смех делегатов сойти с трибуны. Но они на этом не успокоились. Перед голосованием предложения ЦК эта тройка опять взобралась на трибуну.

— О, истинные коммунисты! Бухарские большевики! Вот вам...

С этими словами Иргаш Дарга вытащил из-за пазухи револьвер Смита и пачку денег.

— Вот, товарищи! Этот револьвер и деньги мне дал Файзулла. Он велел убить Шейх Хасана и Мирза Гуляма.

Это откровение вызвало в рядах оппозиции сильное возбуждение. Требования о наказании Файзуллы раздавались со всех сторон.

Один из членов президиума заявил:

— Товарищи, благодаря тому, что Файзулла находится в Чурджуе, мы легко можем расследовать это дело. Я предлагаю вызвать его самого сюда и допросить. Если слова Иргаша подтвердятся, мы немедленно накажем Файзуллу. Но если окажется, что Иргаш клеветает, то он сам получит по заслугам.

Это разумное предложение, встреченное со стороны большинства съезда одобрением, не понравилось Иргашу, и он поспешно смылся с трибуны.

В это время один из делегатов, кажется Ахмед Галимов, вскрикнул:

— Да здравствует единство! Да здравствует Бухарская революция!

Делегаты встали с мест и, аплодируя, пропели Интернационал.

Предложение об объединении было принято огромным большинством голосов.

По предложению С. Юсупова, Файзулла Ходжаев был кооптирован в число делегатов съезда как представитель младобухарцев.

Несмотря на это решение, Файзулла, по неизвестным мне причинам, не явился на съезд.

XII.

Вторым важным вопросом порядка дня курултая был доклад о политическом положении Бухары и отношении к нему бухарских коммунистов.

Курултай выслушал двухчасовой доклад стоя на ногах. Много раз прерывали, устраивали овации докладчику. Беспременно раздавались возгласы, лозунги о грядущей революции в Бухаре.

После доклада была единогласно принята резолюция об объявлении войны эмирскому правительству.

Резолюция эта не была простой декларацией. Она являлась исторически ценным документом, разоблачающим всю деятельность эмирского правительства. Резолюция признавала необходимым объявить войну реакционному правительству Бухары, опираясь на вооруженные силы, имеющиеся в распоряжении Бухарской коммунистической партии, и помощь брат-

ской Красной армии. Практическое осуществление возлагалось на центральный комитет компартии.

По принятии резолюции делегаты и присутствующие на курултае гости долго не могли успокоиться и продолжали бурные овадии. После этого с красными знаменами вышли на улицу Чарджуя, где к ним присоединились тысячи трудящихся, и демонстрировали до позднего вечера.

По третьему вопросу порядка дня—организации вооруженных сил, была составлена комиссия, которой было поручено в самом срочном порядке собрать все имеющиеся в распоряжении революции вооруженные силы, сделать доклад центральному комитету.

В комиссию избираются т.т. Кул-Мухамедов, Мирза Гулям Абдурахимов и Баржанов.

В центральный комитет избираются следующие товарищи:

1. Н. Хусаинов.
2. Абдулхамид Арифов.
3. Шейх Хасан Галеев.
4. Хаджи Хасан Ибрагимов.
5. Мирза Бинрам Ахмедов.
6. Мулла Джура Турсунов.
7. Мулла Айваз Абсамадов.
8. Сейд Мир Мухсин Такеев.
9. Сабиржан Юсупов.
10. Абдурашид Мир-Мукамилов.
11. Галимжан Акчури.

Ответственным секретарем избирается Г. Акчури.

ХІІІ.

Вновь избранный центральный комитет немедленно приступил к работе. Основное свое внимание комитет сосредоточил на организации вооруженных сил для борьбы с эмиром.

В распоряжении комитета были следующие части:

1. Восточный полк в Самарканде, в составе 2020 чел.
2. Отряд т. Кул-Мухамедова в Чарджуе, в составе 150 чел.

Кроме того, в распоряжение т. Кул-Мухамедова ожидалось прибытие 500 иомудов туркмен. Таким образом, он располагал 650 чел.

3. В том же Чарджуе, под командой Мирза Гулям Абдурахимова находился отряд—коммунистическая дружина в 165 человек. Кроме того, к отряду решено было прижать 50 человек, вступивших в партию после 4-го курултая.

4. Партизанский отряд Пишим Сердара в Чарджуе. Численность этого отряда для нас оставалась все время неизвестной. Но он выполнял такие задачи, которые были под си-

лу только многочисленному и хорошо вооруженному отряду. Еще за несколько дней до решения курултая Пишим Сердар со своим отрядом сделал налет на эмирскую почту и захватил много важных документов, способствующих разоблачению эмира. Им было убито несколько эмирских чиновников.

Кроме боевой работы, отряд вел агитационную работу. Он врвался в самый центр старого Чарджуя и другие населенные пункты, организовывал летучие митинги, призывал население к сопротивлению эмирской власти, неуплате налогов. Такая форма агитации давала на много больше эффектов, чем печатная агитация, так как наши прокламации, по случаю неграмотности населения, читались очень небольшим количеством людей. Под влиянием его агитации скоро к нам стали переходить группами эмирские солдаты. В ночь на 20 августа к вагону ЦК явилась группа эмирских солдат, человек тридцать, с красным флагом и лозунгами:

— Да здравствует Бухарская революция!

— Долой тирана-эмира!

Солдаты заявили о своем присоединении к коммунистам и желании бороться с эмирским правительством.

С того дня случаи перехода эмирских войск на нашу сторону участились, и почти каждый день к нам являлись группы перебежчиков.

За все время пребывания ЦК в Чарджуе (до 24 августа) не прекращалось паломничество окрестных дехкан, ремесленников, которые массами передавали себя в распоряжение комитета. Вербовочная комиссия в составе Кул-Мухамедова и Мирза Гуляма отбирала из их среды добровольцев и пополняла ими ряды своих отрядов.

Двести персов из Зира-Булака подали в ЦК заявление с просьбой дать им оружие для борьбы с эмиром. Многие персы вступили также в революционные отряды в Кагане. В Керках образовался новый отряд в 150 чел., в Термезе в 100 чел. Катта-Курганский отряд дошел численностью до 200 человек. Таким образом к началу решающих событий бухарская компартия располагала вооруженной силой приблизительно в 5000 человек.

Было решено не распылять эти силы и не посылать их в Восточную Бухару, а сосредоточить по возможности в центральных районах—в районах Кашка-Дарьи, Зеравшана и Аму.

Решение курултая вызвало среди эмирских войск большую растерянность. Эмир к этому времени располагал уже значительной военной силой. После знаменитых Колесовских событий в марте 18 года эмир реорганизовал свою армию, отменил систему наемного войска (Сарбазства), заменив ее всеобщей воинской повинностью (конечно, в пределах возможности в бухарских условиях) и добровольчеством. Войска его

назывались „народными армейцами“ (Иль Наукерляри). По нашим сведениям число „народной армии“ в то время достигало от пятидесяти до шестидесяти тысяч. Но в боевом отношении эта армия не имела сколько-нибудь серьезного значения.

„Народоармейцы“, в большинстве седобородые старики, дорого ценящие свою жизнь, плохо обученные, еще хуже вооруженные (старинные шомпольные ружья), представляли из себя скорей панически настроенную толпу и больше мешали своему командованию, чем приносили пользу. В социальном отношении это были представители неимущих слоев населения и являлись политически неустойчивыми.

Однако войска Чарджуй-Керкинских районов составляли исключение из этой массы. Здесь „Народоармейцы“ состояли преимущественно из боевых туркмен, вооруженных скорострельным оружием, и с ними приходилось считаться как с реальной силой. Поэтому центральный комитет обратил свое серьезное внимание на разложение эмирской армии в этих районах. Одновременно с этим туркменское население Чарджуйского района было настроено против эмирского режима и с оружием в руках готово было бороться за установление революционной власти. Население Бухарского, Кермининского, Хатрчинского и Зиятдинского районов также готово было следовать примеру чарджуйцев и восстать против эмира.

Наша агитация среди войск чарджуйского гарнизона имела последствия. К 24 августа из двенадцати тысяч народоармейцев в распоряжении Чарджуйского бека осталось всего не более двух тысяч человек. Часть бежавших присоединялась к нам, другая уходила со всем вооружением в пески.

22 августа мы получили сведения о том, что чарджуйский бек отправил гонца к эмиру с изложением положения дел. Для захвата этого послания мы отправили Пишим Сердара с отрядом в 20 человек. Но у Кара-Куля отряд столкнулся с превосходными силами эмирских войск и вернулся ни с чем.

XIV.

Другой нашей неотложной задачей было обращение за помощью к советской власти и командованию Красной армии.

Имеющимися в своем распоряжении вооруженными силами компартия могла бы без большого труда справиться с войсками эмира. Несмотря на то, что эмирская армия по количеству превосходила нас в несколько раз, мы несколько не боялись ее и были уверены, что без больших усилий возьмем Бухару. Пугало нас только наличие в составе эмирских войск трех тысяч афганцев. Правда, и они не представляли для нас

непобедимую силу, и Пишим Сердар был уверен, что со своими туркменами ему удастся разоружить и отправить по домам этих афганцев.

Однако, дело Бухарской революции не ограничивалось одним взятием Бухары. После свержения эмирского правительства надо было восстановить разоренную и разрушенную страну и успешно бороться с остатками банд, с басмачеством.

Все это не могло быть сделано одними силами бухарских коммунистов, без помощи советской власти.

Будучи твердо уверены, что она не откажет угнетенному народу Бухары свергнуть со своих плеч тиранию, ЦК постановил отправить в Турккомиссию ЦК ВКП в Ташкент делегацию. В состав делегации были выбраны т.т. Н. Хусаинов, Г. Акчурин и Мирза Бинрам Ахметов. Представителем от Бухарских революционеров в состав комиссии был введен т. Файзулла Ходжаев.

На делегацию была возложена задача войти в Турккомиссию от имени партии и трудящихся Бухары с просьбой оказать помощь в борьбе с эмиром.

Утром 28 августа, немедленно по прибытии в Ташкент, мы отправились в Турккомиссию.

Происходило заседание комиссии. Нам пришлось прождать в приемной около четверти часа. За это время мы передумали многое. Что если Турккомиссия найдет невозможным для себя немедленное оказание помощи? Справимся ли мы своими силами? А если окажется, что нам своих сил недостаточно, сумеем ли удержать революционно настроенные массы от выступления? Нет, конечно.

Перед отъездом из Чарджуя ЦК имело по этому вопросу совещание. Было решено, что выступление должно состояться независимо от решения Турккомиссии. Чарджуйскому комитету было предложено быть наготове и по первому приказу ЦК из Ташкента начать революционное наступление.

Чарджуйская организация, однако, поняла наше распоряжение по своему и, не дожидаясь никаких распоряжений 28 августа начала наступление на Старый Чарджуй. В каких-нибудь два-три часа над бекским курганом было водружено красное знамя. Видя это, наукары и солдаты бека в большинстве перешли на нашу сторону. Лишь небольшая часть их убежала в пески и оттуда продолжала некоторое время оказывать нам сопротивление.

Ободренный успехом, чарджуйский комитет в тот же день объявил об образовании Бухарской Советской Народной Республики и выдвинул ревком; председателем был выбран Пишим Сердар, а членами Мулла Абдурахим Юсуф Заде и Шейх Хасан Алиев.

Однако, в тот же день ЦК постановил распустить чарджуйский ревком и выдвинул из своей среды ревком и правительство Бухарской Народной Советской Республики.

Таким образом, вновь образовавшееся первое Чарджуйское правительство просуществовало всего один день.

При нашем входе в залу заседания Турккомиссии за столом сидел т. Сокольников. Он не поднял даже головы и продолжал писать. Это обстоятельство не могло не повлиять на нас, так как мы были настроены весьма чутко к такому отношению к нам со стороны членов комиссии и толковали его по своему.

Тем приятнее было для нас появление тов. Фрунзе, который в то время был в соседней комнате. Узнав о нашем приходе, он спешно подошел к нам, похлопал по плечам товарища Хусаинова.

— Ну, что? Войну объявили! Молодцы, так и надо вашего эмира! — сказал он дружески, подбадривая нас.

После коротенького доклада т. Хусаинова и Файзуллы Ходжаева и после непродолжительного обмена мнений вопрос был решен в положительном для нас смысле.

Кроме того, получение в это время известия о взятии революционными частями Старого Чарджуя и изгнание бека не оставляло места для долгого размышления. Отказ в такое время был бы равносильным оставлению борющегося революционного населения без помощи, что вовсе не входило в программу революционной пролетарской власти.

Товарищем Фрунзе немедленно был дан приказ красным гарнизонам Самарканда, Катта-Кургана, Кагана, Чарджуя и Керков помочь революционным частям в их борьбе против эмирского правительства.

В тот же день было создано правительство народной бухарской республики.

Председателем ревкома был выбран Ахметжан Абусагитов. Председателем совета назиров Файзулла Ходжаев. Назиром народного просвещения Кари Юлдашев, финансов и инспекции Н. Хусаинов, председателем ЧК Хаджи Хасан Ибрагимов. Назначение других комиссаров было отложено до занятия Бухары.

В тот же день были мобилизованы все литографии старого города в Ташкенте и заготовлено для разбрасывания над Бухарой до шестидесяти тысяч прокламаций на узбекском и фарсидском языках. Несколько номеров газеты „Кутулуш“ было решено посвятить исключительно вопросам бухарской революции. В тот же день было устроено пленарное расширенное заседание, совместно с членами Турккомиссии, где обсуждался вопрос о характере бухарской революции.

Были выдвинуты лозунги: вся земля и воды (ирригация) объявлялись собственностью народа. Все имущество, земли эмирских чиновников, реакционной части духовенства и активных контрреволюционеров подлежали немедленной конфискации в пользу государства. Немедленно по установлению власти должен быть созван всенародный курултай, который разрешит вопросы земельной и водной реформы и перехода предприятий в руки правительства. После полудня, 28 августа, ЦК совместно с т. т. Файзуллой Ходжаевым, Муинжан Аминовым и Сафаровым отправился для руководства революционной борьбой в Каган.

В составе нашего поезда всего два вагона. Громадный паровоз мчит нас со скоростью 75 верст в час. Выехали из Ташкента в час пополудни, а к пяти вечера были уже в Самарканде. Здесь в вагоне т. Фрунзе было проведено совещание совместно с представителями крепости и гарнизона. После двухчасовой стоянки мы выехали без товарища Фрунзе, который остался в Самарканде.

Часов в 9 были в Катта-Кургане. Представители революционных отрядов вышли к нам навстречу. Известие об оказании помощи со стороны Красной армии сильно воодушевило их.

Из дневника в эти дни.

28 августа. Вечер, 11 часов.

Поезд без остановки промчался мимо станции Зира-Булак. Эмирский хлопкоочистительный завод работает во-всю. Группа чиновников на станционной платформе смотрит на нас враждебным взглядом. Один из них помахал в нашу сторону кулаком и что-то прокричал. Эти животные видно не знают о готовящемся для них завтра ударе.

У заводских ворот сидели одинокие рабочие, понуриив головы. Знают ли они, что завтрашний день несет им радость? Наверно, нет. Иначе не были бы их взоры так мрачны.

В вагоне никто не спит. Слышен тоненький голосок Сафарова. Он беспрестанно беседует с Файзуллой о положении в Бухаре. Мы с Хусаиновым распределяем прокламации по районам. Часов в 11 собрались все в одно купе. (Обсуждали политико-экономическое положение РСФСР и Бухары).

2 часа ночи.

В вагоне никто не спит. Нажиб пробовал заснуть, через десять минут бормоча что-то спускается с верхней полки.

— Не спится. Может завтра в это время будем ночевать в Бухаре?

— А хорошо бы!

В три часа поезд остановился в Кзыл-Тепе.

Пестрая толпа местного населения окружает нас, предлагая фрукты, дыни. На вокзале много пассажиров, намеревающихся ехать в Багаутдин. Среди них видна тучная фигура известного во всем районе реакционера Маулан-Керван-Баши. Я говорю с ним.

— Ну, как дела?

— Ничего! отвечает он, пылливо, лукаво смотря в глаза. Коварная лиса чувствует беду, но не знает доподлинно, где она.

29 августа. 4 часа 10 минут утра.

Поезд остановился у семафора станции Каган. Со стороны старого Кагана доносятся одиночные ружейные выстрелы. Кто стреляет, наши или они? Со мною рядом в вагоне лежал Ахмед Субханкулов. Он приподнялся с места, желая посмотреть в окно. Но в эту секунду послышалось характерное щелканье пули, и в стекле образовалась круглая дырочка.

Подымись Ахмет на несколько секунд раньше, он сделался бы первой жертвой бухарской революции.

Вдруг утреннюю тишину прерывает орудийный грохот. Со свистом пронесся снаряд, удаляясь все дальше от нас. Это наша артиллерия начала громить гнездо контрреволюции. Не укрепили мы на месте. Взяли дела и прокламации ЦК и направились в помещение каганского комитета, в Московские номера. В комитете застали только одного Нажаф Курбанова. Остальные ушли на фронт. Увидев нас, Нажаф в волнении произнес:

— Началось... Меня оставили. Но... сейчас вы пришли, и я пойду...

В пять утра было получено донесение от командира левой колонны Восточного полка тов. Баржанова о том, что полк двинулся в наступление по направлению на Бухару.

— Настроение войск поднятое. Все рвутся в бой,—писал т. Баржанов.

Мы рассмотрели заявление группы зирабадских дехкан с просьбой дать им оружие для борьбы с эмиром. Решено было удовлетворить их просьбу.

Нажиб взял винтовку и уехал на фронт. Я остался для раздачи дехканам оружия. Через полчаса явились сами крестьяне. Среди них несколько седых стариков. Одному наиболее старому я не хотел дать винтовку. Он обиделся.

— Что! Неужели же я не достоин умереть в борьбе?—говорит он с укором. Пришлось дать и ему. Взяв ее, он повертел в руках, улыбнулся.

Бедный старик, может, ты долго не улыбался. Нужда и горе, постоянные спутники бедных дехкан, не давали улыбки появляться на лице дехкана.

10 часов 30 минут.

Я лично сопровождаю зирабадцев на фронт. Наш Восточный полк занимал район между ст. Каган и Мургак. Расположились против дарваза Салам-Хане. В 8 верстах от Кагана на линии стоит бронепоезд. Пройдя немного, поезд начинает обстрел Регистана. Наша батарея в стороне от линии железной дороги также одновременно с поездом начала обстрел. Над Бухарой взвился черный дым.

Восточный полк ворвался в Бухару, но скоро оттуда был выбит. В городе, на узких улицах, полк очутился под обстрелом невидимого врага и отступил, неся потери. В будке я встретил полтора десятка раненых из полка. Вид их бодрый. Просятся снова на фронт.

По словам тов. Белова наступление Восточного полка, без предварительного согласования с общим командованием, явилось ошибкой, которая только, к счастью, обошлось сравнительно недорого.

С правого фланга наступают первый и третий татарские полки под командой Мавлюдова. Один из них также побывал в Бухаре и был вынужден отступить. Упорное сопротивление оказывают афганцы.

Издали в бинокль отлично видны их фигуры, сидящие между зубцами глиняной стены, окружающей город.

Получили донесение об уходе с боевого поста военкома Восточного полка Агдарова. Вечером я встретил его в Кагане. Ссылается на приступ малярии. Я глубоко убежден, что у него нет никакой малярии, а просто он трусит. Взамен его комиссаром полка по собственному желанию ушел Н. Хусаинов.

Я осматривал расположение и окопы полка. Беседовал с отдельными красноармейцами. Жалуются на отсутствие медицинской помощи.

По возвращении с фронта в Каган мобилизовали всех татарок и направили их в качестве сестер и санитарок. Также направили группу агитаторов-политруков татар в количестве 21 человека под руководством Хусаина Крымского. Кроме них для агитации в окрестных кишлаках было командировано до тридцати товарищей из узбеков. Многие из них вернулись с донесением, что кишлаки, охваченные районом военных действий, пустуют, и в них нет ни единой живой души.

29 августа. Вечер, 7 часов.

Получили сообщение о занятии нашими восставшими частями Керков, Зиятдина, Хатрчи, Шарсауза и Каршей. Остается одна Бухара. Мы твердо уверены, что удастся занять ее завтра.

Вечером, часов в десять я вновь отправляюсь на фронт. Над Бухарой сплошное зарево огня.

В штабе полка встретил т. Баржанова. В комнате находилось около десяти раненых. Один из них ранен тяжело, в голову. В рот ему непрерывно наливают воды.

Часов в одиннадцать орудийные выстрелы усилились. От грохота выстрелов содрогается земля. Из горла орудий вырывается огромное пламя, на мгновение словно молния освещает землю, и все кругом вновь утопает во мраке.

Поздно ночью отправился пешком в Каган. По пути встретил Хасан-Тага. Он вооружен до-зубов, в полном смысле этого слова. На нем два нагана, шашка, кинжал, несколько патронташей. Не достает только пулемета.

Там в Бухаре остался один сын его, взрослый уже парень. Дом его недалеко от дарваза Саям Хане. Старик попытался как-нибудь связаться с сыном, но не удалось. В окрестных кишлаках не осталось ни одного человека. Все разбежались. При вспышке орудийного выстрела я взглянул на его фигуру. Его седая борода говорит о старости, но глаза его горят молодым огнем.

Долго мы шли с ним молча по каганской дороге.

— Галимжан Ака—заговорил он—скажи кому следует, что бы казы келана и эмира дали в мои руки.

— Хорошо, если они попадутся живыми, ответил я.

30 августа 4 часа утра.

Третью ночь не смыкаю глаза. В голове беспрестанный шум. В коридоре встретил товарища Белова (командующего бухарской группой). Он бледен, словно только что вставший от тифа. Глаза ушли вглубь. А лицо точно вымазано хлопковым маслом.

Вернулся с фронта Нажиб. Ругается, проклинает Агдарова.

Я успокаиваю его, и мы с ним садимся за составление прокламации для разбрасывания над Бухарой.

Цель прокламации—побудить народ заставить эмирское правительство сдать город.

— Все города ханства перешли в руки восставших. Остаются одни вы. Если будете упорствовать и не принудите своих правителей сдать город, он будет разрушен, сравнен с землей.

Вместе с Осман Ходжа отправился в типографию.

31 августа 3 часа Утро.

Сегодня с рассвета громяют орудия. Грохот их сотрясает землю. До десяти аэропланов планируют над городом, сбрасывая прокламации.

На улицах Кагана, кроме военных, нет никого. Все лавки базара закрыты, заколочены. Часов в восемь с фронта привели до 70 пленных. Среди пленных несколько седых стариков, есть и пятнадцатилетние мальчики. Многие босы. По их словам наступление Красной армии их застало на посту в Старом Кагане. Услышав канонаду, они бросились наутек. Ругают эмирскую власть. Просят нас зачислить в свои ряды, дать им оружие.

— Вы отдохните хорошенько, у нас и без вас много войск,—отвечает им Файзулла.

В резиденции встретил Кари Юлдаша. Он в белом костюме с галстуком, в панаме, и с винтовкой в руках. При моем входе приткнулся к двери, желая избежать встречи. Но его кричащий вид бросается в глаза.

— А, ты на фронте!...—говорю я с насмешкой.

Он молчит, сердито смотрит на меня.

Назначен народным назиром,—думаю себе,—а его посылают на фронт. Невыгодное дело, вот хочет как-нибудь улизнуть, избежать опасности.

Эмирские войска обороняются упорно. По наступающим открывают ураганный огонь. Наши войска утомились. Я был в районе восточного полка. Вид людей усталый. Без сна, да и доставка пищи не налажена. Но глаза горят радостным возбуждением. В штабе лежит до двадцати раненых. Среди них Нюра, жена Нажиба.

Скоро в штаб явился сам Нажиб. Попросил табаку.

Свертывая сигару, смотрит мне в глаза.

— Скверные дела—говорит он—у нас не хватает войск для окружения Бухары. А эмир отсиживается в Сатари Махасе и в любую минуту может удрать оттуда.

Товарищ Баржанов не придает этому значения.

— Пускай бежит. Дело не в эмире, а в самом городе. Нам надо скорее взять город.

На полу развезда, спиной к нам лежал раненый красноармеец. При нашем разговоре он приподнимается, поворачивает свое лицо. Из-за бинтовой повязки, покрывшей все его лицо, выглядывают молодые глаза, они горят энтузиазмом.

— Бухара... будет взята...—говорит он и обессиленно опускается.

Как мне хотелось бы быть на его месте!

11 часов дня 31 августа.

С утра непрерывно наша артиллерия громит городские ворота. Судя по количеству раненых, прибывающих в Каган, сегодня были жестокие бои.

Состоялось заседание ЦК совместно со штабом. Обсуждали вопрос об охране складов и прочего государственного имущества, а также частных граждан от возможных грабежей по занятии города. Товарищам Хусайнову и Белову поручено организовать особые отряды по сохранению порядка и борьбе с мародерством.

6 часов вечера 31 августа.

Получили известие о бегстве населения и войск из Бухары. Бегут главным образом через ворота Углан и Каракуль. Распоряжением Белова послан аэроплан для проверки этих сведений. Разведка подтвердила это известие. Однако, город продолжает обороняться с прежним упорством, хотя ответный огонь оттуда гораздо слабее, чем вчера.

Восточный полк два раза переходил в наступление и загнал выступившие было из Салям Хане (дарваза) эмирские войска обратно в город. Сегодня в полку около двенадцати раненых.

Вечером на заседании ЦК были назначены ревкомы в занятые красными частями города—Карши, Кермине, Шарсауз, Китаб, Керки и другие.

11 часов вечера 1 сентября.

Целый день продолжалось бегство населения и войска из города. Аэропланы разбрасывали прокламации с призывом не допускать грабежа и расхищения государственного имущества.

Город объят пламенем. Над городом сплошное зарево пожара. Наши войска почти вплотную подошли к городским стенам. У самой стены лежат груды трупов. Наши и ихние. Кругом в темноте сверкают глаза хищников-шакалов, поспешивших на пир. За воротами слышен плач женщин, оплакивающих своих убитых. Их жалобный визг наполняет душу тоской. Я ушел, погруженный в мрачные мысли, как вдруг спотыкнулся обо что-то мягкое, и свалился в неглубокий арык. Подо мною лежал труп убитого эмирского солдата. Его бородастое лицо было противно искажено.

— Может быть, друг, ты и невинен,—думал я про себя,—но ты и тысячи тебе подобных служили слепым орудием в ру-

ках кровавого тирана, и возмущенные люди взялись за оружие, чтобы убрать тебя с дороги.

Я был бесконечно рад, услышав недалеко от себя разговор. Быстро побежал к ним.

— Кто идет?—грозно доносится из темноты.

— Свои, свои, товарищи!—спешу отвечать.

Оказалось—пост из четырех красноармейцев. Одно из них узнаю, это Файзи Резепов, один из наших активных членов.

Молча выкурили по большой сигарке.

Резепов привстал со своего места, вскинул винтовку на ремень.

— Завтра непременно там будем,—говорит он, указывая на городские стены и удаляясь для осмотра охраняемого участка.

Да. Теперь никто не сомневается, что завтра мы будем там.

5 часов утра 2 сентября.

Несмотря на спокойную обстановку в резиденции в Кагане никто не спит. Все заняты своими делами. Бегают из одной комнаты в другую.

Хусайнов кого-то ругает громовым голосом. Файзулла пишет, очевидно, какую-нибудь инструкцию. Шагид Ахмадеев подбирает патроны к своему дамскому браунингу. Кари Юлдаш, все еще в белом костюме, развалился на длинном столе, но лежит с открытыми глазами, очевидно, строя планы создания „Первого Бухарского университета“ о чем он так много любил говорить. Теперь он назир просвещения. Перед ним открывается простор для работы.

Собрались в одной комнате, обсуждали меры пресечения бандитизма в городе. Кроме того, серьезным вопросом являлся вопрос об изоляции контрреволюционных элементов. Ведь в городе останутся, несомненно, тысячи контрреволюционеров мулл, амальдаров, палачей, те, кто так недавно рыскал по каждому дому, выводил оттуда часто ни в чем не повинных юношей и вел в тюрьму исключительно для того, чтобы заполнить норму „поймать две тысячи джадидов“.

В ответ на это Файзулла выдвигает фитратский лозунг, сказанный еще многое время до этого: „не менее тысячи“.

Мы все согласились с ним.

— Да, не менее тысячи!

Не менее тысячи мулл, чиновников и палачей ответят за кровь невинных борцов за освобождение Бухары.

Улицы Кагана попрежнему пусты. Но в этой пустоте чувствуется что-то живое, радостное. Сердце ждет радостной вести, которая должна вот-вот раздаваться.

С конца Самаркандской улицы поднимается приветливое солнце. Оно сегодня радостнее, чем в прежние дни. Смотрит лукаво, словно девушка из-за щели любит молодца удалю.

Со стороны Бухары еще изредка раздаются выстрелы. Но скоро они перестали совсем, и воцарилась мертвая тишина. Как то непривычно после трехдневной беспрерывной канонады.

Что бы могло это означать,—думал я, и побежал в резиденцию.

В коридоре, навстречу ко мне, с кипой бумаг в руке идет Файзулла Ходжаев. Глаза его горят радостным огнем. Увидя меня, он роняет из рук бумаги, подходит и, не говоря ни слова, жмет крепко мне руку.

Язык его заплетается, и он несколько секунд не может выговорить слова.

— Поздравляю... Со взятием Бухары,—говорит он наконец. Бухара пала...

Ликвидация Бухарского эмирата.

Февральская революция пришла в Туркестан „по телеграфу“. На первых порах она особого революционизирующего значения не произвела на широкие массы коренного населения. Да и не было каких-нибудь существенных событий, которые свидетельствовали бы коренному населению о наступивших изменениях.

На административных постах оставалось царское чиновничество. Царский генерал Куропаткин в 1917 году посылал казаков для разгрома революционного движения в Хиве.

На первых порах ханская власть в Бухаре не имела особых оснований опасаться за свое благополучие. Эмир правоверной Бухары получил из Петрограда телеграмму „с пожеланием скорейших реформ и с указанием, что при новом строе в России не может и не должно существовать близкого и соседнего бесправного народа“¹.

По совету русского политического агента Миллера и под влиянием усиления прогрессивного движения в стране, возглавляемого джадидами, эмир 17 марта 1917 г. обнародовал декларативный манифест. „Он, к которому обращаются за милостью“, объявлял своим подданным: „В непрестанных заботах наших о благе и счастье всех верноподданных наших решили мы приступить к возможно широкому улучшению всех отраслей нашего управления, искоренению всех злоупотреблений и неправильностей оного на выборных началах, согласно желанию народа.

Напоминая всем верноподданным нашим, что единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный шариат, призываем всех помочь нам в исполнении принятого на себя твердого решения осветить Бухару светом прогресса и знаний полезных для Бухарского народа“¹.

Далее манифест обещал ввести реформы и самоуправление „по мере того, как надобность в этом будет выясняться“...

¹ Файзулла Ходжаев—«К истории революции в Бухаре», 1926 г.

Однако, в исполнение манифеста эмир приказал освободить лишь только заключенных и разрешил выбрать населению „Санитарный совет“ из достойных и уважаемых народом людей. Вот и все реформы, которые эмир даровал верноподданному народу под влиянием Февральской революции.

И если Февральская революция не угрожала эмиру лишиться своего трона, то Октябрьская—грозила смести его и его трон, и он сразу хорошо оценил угрожающую для него обстановку. Эмир отлично понимал, что только беспощадная борьба с большевистским правительством России и теснейшая дружба со всей русской контрреволюцией—его единственное спасение.

Эмир сразу берет ориентацию на Афганистан и Англию. Бухара становится убежищем английских шпионов и русских белогвардейцев. Эмир принялся за укрепление своих вооруженных сил. Мартовские события 1918 года (Колесовский поход) превратили эмира в отъявленного врага Советской России.

С ликвидацией Колесовского похода на Бухару в ханстве начинается свирепствовать черная реакция. Всего было казнено до полутора тысяч человек младобухарцев и им сочувствующих. Была организована резня европейцев, как в самом городе, так и во всем ханстве.

Всего было вырезано более 1600 человек иноверцев.

Деспотическая Бухара не могла долго выдержать соседства с советским государством. Бухарское правительство понимало это, и эмир все чаще и чаще открывал двери гостеприимства всем противникам советской власти. Эмир приютил и пригрел изменника Осипова с мелкими остатками его банды. Бухара стала центром антисоветских интриг. Прячась за спиной эмира, афганские и русские интриганы плели свои черные сети.

Правительство эмира считало, что у него руки развязаны, т. к. Октябрьская революция, провозгласившая право всех наций на самоопределение, признала и самостоятельность бывших до Октябрьской революции вассальными к России Бухарского и Хивинского ханства.

Правительство эмира, уверяя советское правительство в своей дружбе, все время не прерывало связей с врагами советской власти и готовилось при удобном случае начать войну против неприятного соседа—Советской России. В Бухаре, конечно, не собиравшейся воевать ни с Афганистаном, ни с Персией, ни тем более с Англией, шли одна за другой мобилизации и в срочном порядке заготавливались запасы продовольствия и военного снаряжения. Между тем правительство эмира по отношению к Советской России с каждым днем стало держать себя все наглее и наглее. Происходили нарушения границы, нападения на русских служащих, преследования на-

чинаний, ведущих к установлению правильного товарообмена с Тукистанской республикой, призыв к бойкоту русских и переход к системе всяких придирок.

Все это, в связи с проведением одна за другой 4-х мобилизаций, с повышением налогов для покрытия военного бюджета, лихорадочной скупкой оружия и агитацией среди населения за священную войну, укрывательством русских белогвардейцев и главарей ферганского басмачества и снабжением последнего оружием и деньгами—все это, несмотря на уверения в дружбе и преданности Советской России, достаточно ясно показывало, чего бухарский эмир хочет.

Особенно интенсивно и лихорадочно готовилась Бухара к войне в начале августа 1920 года. Не надеясь на свои собственные силы, она усиленно искала себе союзников (посылались специальные миссии в Афганистан, Персию и даже к царскому генералу Деникину). Между Бухарой и Афганистаном установилась тесная военная связь, а если Афганистан по целому ряду причин и не мог выступить активно на поддержку Бухары, то моральная и материальная поддержка была вполне обеспечена, т. к. поражение правоверной Бухары не было безразличным для мусульманских владык не только Афганистана, но и Туркестана.

5 августа в Бухару прибыли представители басмачей и духовенства от Ферганы с целью понудить Бухару ускорить выступление против Советской России на защиту ислама.

Таким образом, было с достоверностью установлено, что соглашение между Бухарой, Афганистаном и ферганским басмачеством было достигнуто на почве защиты ислама.

Посещение Мадамин-бека (вождя ферганского басмачества) афганским и бухарским представительствам и наоборот посещение представителями Мадамин-бека Бухары ясно это подтверждали.

С ростом военных сил эмира и его ставленников росли и крепились молодые революционные организации Бухары.

Организовавшиеся в Ташкенте бухарская коммунистическая группа и Туркестанское центральное бюро революционных младобухарцев вели пропаганду среди населения и эмирской армии.

Накануне переворота в одном из воззваний к войскам эмира под заглавием—„Не бойтесь, право и сила на вашей стороне“ младобухарцы писали: „Как в прежнее время, сейчас нет Николая; соратники эмира, которые могли бы взять сторону эмира и послать против вас русские войска, давно выброшены из России. Сейчас есть только Рабоче-Крестьянская Красная армия, которая всецело стоит на вашей стороне. Она всегда готова придти к вам на помощь...

Да здравствует Союз свобододолюбивых русских красногвардейцев с бухарским революционным войском“.

Усиленное преследование бухарских революционеров, отрыв последних мобилизациями народных масс от мирного труда в самый разгар полевых работ, твердая и несомненная уверенность населения, что правительство, запутавшись в белогвардейских, английских и других интригах, хочет подвергнуть страну всем ужасам авантюристической войны с Советской Россией,—все это, вместе взятое, ускорило взрыв давно созревшей революции.

Трудящиеся Бухары, стремясь найти союзника в Советской России, восстали во имя мира и свободы. Подпольные революционные организации Бухары, умело руководимые старым подпольщиком и талантливым организатором М. В. Фрунзе, решили предупредить контрреволюционное выступление Бухары и ответить мощным ударом.

18 августа подпольные организации Чарджуйского района начали подготовку открытого революционного выступления. 23 августа Сакар-Базарская революционная организация выступила открыто и захватила в свои руки Сакар-Базар. Руководители выступления, умело воспользовавшись революционным воодушевлением народа, созвали съезд аксакалов (старост кишлачных) и мелких должностных лиц кишлаков; съезд высказался за поддержку восстания. Была установлена связь с Эрсаринскими туркменами, которые дали свое полное согласие оказать поддержку, и с их помощью 29-го августа был взят город Старый Чарджуй.

Почти одновременно со взятием Старого Чарджуя вспыхнула революция в г.г. Кермине и Шахризьябсе. Объединенные силы повстанческих отрядов бухарских коммунистов и молодых бухарцев захватили ряд других городов. Движение носило дружный и организованный характер. Быстро образовавшийся Ревком своими действиями сумел увеличить революционные силы и найти союзников в лице беднейшего дехканства.

Однако, революционеры справиться собственными силами с войсками эмира не могли и они обратились к русскому пролетариату и Красной армии с просьбой помочь бухарскому народу в его борьбе с деспотическим эмиром. Русский пролетариат и Красная армия протянули руку братской помощи угнетенному бухарскому народу.

М. В. Фрунзе в приказе войскам Туркестанского фронта писал. „В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительной схватки подавленных и поработанных трудящихся масс Бухары с кровавым правительством эмира и беков. Полки нарождающейся Бухарской Красной армии двинулись на помощь народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них. Прика-

зываю всей нашей вооруженной помощью придти на помощь бухарскому народу в этот час решения его участи.

Красноармейцы, командиры, комиссары, на вас смотрит сейчас вся советская Россия и ожидает от каждого исполнения его революционного долга. Вперед за интересы трудящихся Бухары и России. Да здравствует возрождающийся бухарский народ. Да здравствует нарождающаяся Бухарская советская Республика“.

Важнейшей задачей был захват г. Старая Бухара—резиденции эмира, куда последний стянул большинство своих сил, где им были сосредоточены запасы и ценности. За выполнение этой задачи и взялись бойцы Туркестанских частей под опытным руководством М. В. Фрунзе.

Правительство эмира решило дорогой ценой уступить власть. Приказ бухарского эмира на имя Астанкула-Кушбеги (главного своего министра) гласит: „В своих непрестанных заботах о благе родины и страны нашей, предписываю вам нижеследующее. Между нами и нашими врагами прародительской веры нашей—русскими большевиками—начались военные действия. Вам надлежит по получении моего приказа, во-первых, назначить военно-начальниками Абдул-Хуссейн-Бия, Абдул-Ишек-Ага-Баши и Абдул-Захир-Токсаба; во-вторых, немедленно вооружить всех нукеров и аскеров Хатырчинского и Зиатдинского бекств.

Затем всех жителей означенных провинций уведомить о начавшихся военных действиях. Вам самим, Астанкул, лично принять общее командование и во главе нукеров, аскеров и народа вступить в бой с врагами веры нашей и, охраняя границы, не допускать появления врага на нашей территории. Телеграфные провода и железную дорогу в пределах ваших провинций предписываю резать и разрушать и во всем поступать по великому шариату, доводя до моего сведения о всем происшедшем“.

Красные части, высадившись на ст. Каган, повели наступление двумя колоннами на Мазар и Шерифские и Каршинские ворота на Старую Бухару. Первые попытки штурмовать крепостные глинобитные стены города успеха не имели. Для окончательного штурма к 1-му сентября были сосредоточены 5, 10, 12 и отдельный стрелковые полки, 4-й кавалерийский полк, 2 тяжелых и 6 легких орудий, три броне-автомобиля и бронепоезд. Попытки разрушить артогнем высокую глинобитную крепостную стену города не удались. Лишь подтянув одно тяжелое орудие на дистанцию прямой наводки, стало возможным пробить в стене брешь у Каршинских ворот.

К 9 часам утра 12 стрелковый полк ворвался в эту брешь, вслед за ним был брошен резерв—2 батальона.

К 11 часам южная колонна—5 стрелковый полк—заняла с бою Мазар и Шерифские ворота. Противник упорно оборонялся, пуская в ход ножи и пулеметы. С рассветом 2 сентября наши войска двинулись вперед с целью занятия цитаделей (арка) внутри города.

К 9 часам 30 мин. 10, 12 стрелковые полки заняли арк (кремль) с дворцом эмира и к вечеру стали хозяевами положения города. Жалкие остатки приверженцев эмира разбежались.

Эмир еще 31 августа с отрядом приближенных телохранителей бежал сначала на северо-восток в Гидж-Дуван, а затем свернул на Карши. Посланной погоне нагнать эмира не удалось. Позже эмир скрылся в Гиссарском бекстве, в Восточной Бухаре. Потом он пытался организовать басмаческие шайки против Советской власти, но безуспешно.

1 марта 1921 года изгнанный эмир переправился южнее Куляба через Аму-Дарью и скрылся в Афганистан, где и пребывает до настоящего времени.

Братская поддержка Красной армии дала возможность угнетенному народу Бухары свергнуть деспотизм эмира и установить в стране Советскую власть. Так скончал свои бесславные дни последний деспот бухарского народа эмир правоверной Бухары.

Поход Джунаид-хана на Турт-куль.

(Воспоминания участника).

I.

Одним из примечательных эпизодов гражданской войны в бывших русских владениях в Средней Азии является эпизод, когда в нашу ожесточенную борьбу с закаспийской белогвардейщиной сделал попытку вмешаться третий элемент в лице вождя низовых туркменских вольниц Хивинского ханства Курбан-Мухамед Сардарь, известный больше под именем Джунаид-хана.

Занятие Джунаид-ханом Хивинского ханства, происшедшее в начале 1918 года, т.е. тотчас же после ухода самодемобилизовавшихся русских войск, первое время почти не отразилось на жизни Аму-Дарьинского отдела. Русской колонии в Н.-Ургенче, правда, пришлось не раз переживать неприятные моменты ареста их туркменами, допросов, насильственных приводов и т. д., но все это касалось лишь отдельных лиц, а в целом жизни колонии не нарушало. Казалось, что Джунаид-хан, „революционер“, каким его считали в момент его выступления против хивинского хана, достигнув цели, к которой он стремился еще во время царизма—подчинения себе ханства, на этом и остановился. Только этим и можно было объяснить первоначальное мирное его сожитие с русской колонией и разрешение беспрепятственной торговли и сношений с правым берегом (русскими владениями).

Однако, грозные раскаты Октябрьской революции дали ему быстро почувствовать всю непрочность его завоеваний, а вспыхнувшее белогвардейское восстание и образование закаспийского фронта побудило Джунаида вмешаться в борьбу и попытаться оказать поддержку закаспийской контрреволюции путем создания военной угрозы в тылу Красной армии.

Для приведения в исполнение этих замыслов Джунаид-хан и пытался занять г. Турт-Куль, в арсеналах которого хранился большой запас оружия, снарядов и аммуниции, которые ему были необходимы для диверсии в тыл Красной армии со стороны Чарджуя.

Если в тот момент, т.е. 1918—19 года, некоторые были склонны рассматривать поход Джунаид-хана на бывший Аму-Дарьинский отдел, вне связи с белогвардейщиной Закаспия (например, выступление военного комиссара гор. Чарджуя Шайдакова Н. А. в штабе Закаспийского фронта, в Совдепе, на докладе т. Войтинцева предтурщика; т. Феоктистова в штабе фронта и др.), то к настоящему времени, конечно, ни у кого не осталось сомнения в том, что поход Джунаид-хана на Турт-Куль был тесно увязан с планами ашхабадской белогвардейщины. Только так именно и можно было рассматривать выступление Джунаид-хана против советского города, советских отрядов. Это был вместе с тем единственный случай, когда Джунаид-хану удалось объединить, правда, на очень короткое время, всех туркменских вождей, обычно враждовавших с ним.

Задача, поставленная автором этого маленького очерка, весьма скромна: в сжатом виде передать воспоминания и впечатления участника событий на среднем плесе Аму-Дарьи в 18—19 годах, в части, касающейся неудачного похода Джунаид-хана на Турт-Куль и предшествовавших этому событий, в той или иной мере способствовавших (побудивших) посылке штабом закаспийского фронта отряда для борьбы с Джунаид-ханом.

II.

Завоевание иомудами Хивы знаменовалось большим притоком беженцев, одно время буквально наводнивших город Чарджуй.

В хивинском сарае Юлдашбая, переполненном беженцами, можно было постоянно видеть и купцов и сановников хана хивинского, по тем или иным причинам опасавшихся мести Джунаид-хана. Эти беженцы принесли первые известия о многочисленных, хорошо вооруженных туркменах, занявших Хивинское ханство, ограничивших права Асфендиара хана и нещадно грабивших население. Через отдельных депутатов Совдепа и просто граждан Чарджуя эти беженцы пытались побудить Чарджуйский Совдеп оказать военную помощь ханству и защитить его от иомудов.

— „Хива окончательно, полностью захвачена иомудами, говорили они, иомуды высасывают из нее все соки. Хан Асфендиар простая игрушка в руках их. Ежедневно иомуды налагают громадные контрибуции на города, кишлаки, базары и отдельных лиц. В каждом уголке, где есть хаким (бек), есть и иомудская стража и иомудский старшина. Всем руководит Джунаид-хан. Хива стонет под гнетом иомудов и ждет помощи от русской Красной армии“ (А. Бакхалов, аксакал Джурабай и пр.).

Но эти цветистые фразы, жалобы купечества Хивы, первое время не обращали на себя ничьего внимания. События в Хивинском ханстве, отстоявшем на 500 верст от Чарджуя, мало интересовали Чарджуйский Совдеп, который вовсе не стремился устанавливать особые, помимо Турчика, взаимоотношения с ханством.

Однако, возникновение Ашхабадского фронта и совершенное прекращение сообщений с Турт-Кулем побудило Чарджуйский Совдеп насторожиться. Группа хивинцев с одним членом Совета (автором) подала на имя т. Кошкина А. (ныне умершего), в то время являвшегося временным председателем Совдепа, заявление, в котором, настаивая на оказании помощи Хиве, указывала, что в связи с угрозой ашхабадской белогвардейщины Чарджую иомуды могут создать военную опасность в тылу Красной армии. Это заявление было передано т. Кошкиным случайно оказавшемуся в Чарджуе военному комиссару Туркеспублики, впоследствии изменнику, Осипову. По распоряжению Осипова, был снаряжен теплоход, на котором на рекогносцировку, вниз до Турт-Куля, был послан военный комиссар Чарджуя т. Шайдаков Н. А. с небольшим отрядом красногвардейцев (около 60 чел.), двумя орудиями и двумя пулеметами. К экспедиции был прикомандирован член Совдепа в качестве дипломатического представителя, т. к. предполагалось, что экспедиции удастся завязать сношение или ханом хивинским или же Джунаид-ханом, и в то же время ему, т.е. отряду, предлагалось выяснить возможную опасность от Джунаид-хана как Турт-Кулю, так и Чарджую.

Теплоход плыл при благоприятных условиях и вплоть до Дарган-ата без особых встреч или столкновений с иомудами. Около Дарган-ата наперерез теплоходу выехала лодка, наполненная европейцами. Это были служащие телеграфа, бежавшие от иомудов. Разведкой отряда, спущенной на берег, был обнаружен полный разгром местной передаточной телеграфной станции. Однако, телеграф не был поврежден и отряду удалось соединиться с Чарджуем.

Экспедиция прибыла в Турт-Куль в момент, когда Джунаид-хан произвел арест всех русских жителей колонии в Н.-Ургенче, очевидно, приговарываясь к походу на Турт-Куль. Иомудскому хану немедленно было послано ультимативное требование об освобождении всех без исключения арестованных с их имуществом. При этом Джунаид-хан предвещал, что в случае неосвобождения пленников отряд немедленно перейдет на левый берег для освобождения их силой оружия.

Эта угроза, несмотря на всю несостоятельность угрозы отряда, силою в 60 человек, неприятелю, насчитывавшему минимум 8000 вооруженных винтовками всадников, побудила

Джунаид освободить всех арестованных, но имущество их бандит оставил себе.

С освобождением жителей колонии из плена распоряжением Джунаида всякое сношение с левым берегом было прекращено. Но, тем не менее, из хивинских владений почти непрерывно прибывали беженцы, которые приносили известия о том, что Джунаид-хан подготавливает поход на Турт-Куль. На эти слухи, передаваемые панически настроенными беженцами, т. Шайдаков внимания не обращал, будучи уверенным в честности иомудского бандита, своим письмом установившего границы между ханством и советским городом.

В момент пребывания Чарджуйского отряда в Турт-Куле (тогда Петро-Александровск) Наркоминделом Туркеспублики был направлен в Хиву постоянный представитель. Этим представителем по представлению Наркома т. Домогатского и последующего утверждения Турцика был выделен некто Коноплев, левый эсер, который одновременно назначался командующим войсками в русских владениях оазиса. Коноплев по прямому проводу из Чарджуя предупредил т. Шайдакова, ознакомившего его с положением дел и ультиматумом, посланным им Джунаид-хану, не предпринимать никаких шагов по отношению последнего и ждать приезда представителя Турцика.

Встреча обоих отрядов носила малодружелюбный характер, а различная оценка положения понудила Коноплева отпустить Шайдакова обратно в Чарджуй, несмотря на всю тревожность положения. А, между тем, Джунаид-хан по сведениям, поступившим от добровольных разведчиков из беженцев, уже решил поход на Турт-Куль и усиленно обрабатывал вождей, соблазняя их легкостью захвата Турт-Куля, абсолютно лишенного какой бы то ни было военной силы.

Накануне отвала парохода и теплохода, на которых возвращался отряд Шайдакова, двое бежавших из Хивы нукеров хана хивинского принесли известие о том, что Асфендиар хан хивинский убит по распоряжению Джунаид-хана, который посадил на престол его брата Абдулла хана, и что бандит на днях должен выступить против русских. Действительно, в день отвала с постов, расставленных на переправах энергично действовавшим Коноплевым, поступили первые донесения о попытках иомудов переправиться на правый, советский берег. Эти попытки были легко отбиты пулеметным огнем поста. Точно также была отбита и вторая попытка переправиться около Уральского поселка, в 18 верстах от Турт-Куля.

Все это говорило о чрезвычайной серьезности момента, а прерванное телеграфное сношение, до того не нарушенное, свидетельствовало о том, что рукой бандита руководят извне опытные люди. Однако, несмотря на всю серьезность положения военный комиссар Чарджуя все же не хотел признать,

что положение становится угрожающим, и ссылался на письмо Джунаид-хана. Тем не менее т. Шайдаковым был произведен незадолго до отъезда обстрел Баджман-ханы, расположенной недалеко от Тюя-Муюна. На орудийный и пулеметный обстрел с парохода, берега и курганчи иомуды отвечали винтовочными выстрелами, решетившими трубу парохода. Атака берега на лодках заставила иомудов бежать, и отряд, уничтожив несколько каюков, вернулся в Турт-Куль, откуда скоро выбыл в Чарджуй.

Обратное возвращение парохода прошло вполне благополучно. По просьбе Коноплева отряд уничтожил по дороге все стоявшие у берега и подготавливавшиеся к зимней стоянке каюки, дабы лишить иомудов возможности переправляться на советскую сторону. Около Дарган-Ата возвращавшимся отрядом было обнаружено несколько трупов киргиз-казаков, убитых иомудами за связь с русскими при переезде последних вниз по реке.

Причина повывисшейся активности Джунаид-хана стала ясной по прибытии отряда в Чарджуй: белогвардейцам в союзе с англичанами удалось оттеснить советские части к Уч-Аджи, это обстоятельство очевидно и побудило Джунаид-хана произвести нападение на правый, советский берег.

Критическое ли положение на фронте или какие-либо другие обстоятельства побудили военного комиссара Чарджуя дать успокоительную оценку по положению в Хиве как штабу фронта, так и командировавшему отряд Совдепу. Однако, отсутствие более месяца всяких сведений из Турт-Куля, перерыв телеграфного сношения вместе с тревожными слухами, принесенными новым потоком беженцев, вынудил одного из участников экспедиции подать штабу фронта докладную записку об опасности, угрожавшей Турт-Кулю, а вместе с падением его и тылу Красной армии. В этой записке требовалась посылка парохода с отрядом не меньше 300 бойцов; указывалось на то, что в арсенале Турт-Куля имеются и орудия, 4 пулемета, до 1 миллиона патронов, много снарядов, винтовок, аммуниции, провианта и много миллионов николаевских денег, сданных русско-азиатским банком. Указывалось также и на то, что бандиты, не ограничиваясь захватом Турт-Куля, несомненно бросятся в тыл армии. Подписавший докладную записку взял на себя и смелость заявить о том, что Турт-Куль должен быть осажден.

Докладную записку подтвердили, но лишь в части, касающейся запасов арсенала, двое граждан Турт-Куля—т. Крошилов, впоследствии предисполкома (ныне умерший) и некто Садыков.

Однако, несмотря на всю категоричность заявления, штаб фронта, ссылаясь на свое критическое положение, а также

успокоительные заверения военного комиссара Чарджуя Шайдакова, упорно ссылавшегося на письмо Джунаид-хана, категорически отказал в посылке отряда. Это обстоятельство вынудило обратиться с такой же запиской в Совдеп, однако Совдеп дал ответ аналогичный штабу.

Неожиданную помощь оказал приезд председателя Турцика т. Вотинцева. Молодой и энергичный т. Вотинцев, оставленный при входе в Чарджуйский совдеп, внимательно выслушав короткое заявление о важном сообщении с низовьев Аму-Дарьи, предложил пойти к его экстренному поезду, состоявшему из паровоза, цистерны и кажется 2-х вагонов, и ждать его возвращения. В начале разговора т. Вотинцев предупредил о том, что отправка поезда им назначена через полчаса. Однако, эти полчаса растянулись на добрые 4 часа. За это время предтурдика внимательно выслушал подробное изложение хивинских событий и соображения автора записки по поводу угрозы тылу Красной армии. Затем вызвал на экстренное заседание президиум штаба. Трудно забыть слова этого многообещающего молодого энергичного работника, так рано погибшего от руки изменника Осипова.

— Доклад о хивинском положении я уже слышал от военного комиссара, но между нами говоря, я считаю, что он недооценивает положение. Я предложу штабу немедленно послать в Турт-Куль пароход. Вместо же одного представителя—Коноплева мы создадим там, как и договариваемся с Вами, коллегию“...

На экстренном заседании президиума штаба, состоявшегося в вагоне предтурдика, присутствовали т. Паскуцкий Н. А. Нач. штаба, Церпицкий И. (старший) секретарь штаба, из членов Панасюк и двое других. Т. Вотинцев предложил немедленно послать пароход и отряд в Хиву. Предписания об образовании коллегии и посылке парохода были написаны самим предтурдиком и им переданы для исполнения штабу.

Пароход был снаряжен довольно быстро, как и баржа, на которой должен быть ехать отряд. Членами коллегии были выдвинуты от штаба фронта т. Церпицкий И. (старший) и от Чарджуйского Совдепа т. Тимошенко А. Ф. Отряд состоял из 90 бойцов—остатка расформированного Мервского отряда.

Нужно сказать, что этой экспедиции ни штабом, ни членами коллегии серьезного значения не придавалось. Это видно было не только из того, что в исключительно сложную обстановку, создавшуюся в Хивинском оазисе в связи с захватом иомудами Хивы, было выделено лишь 90 бойцов.

Путь экспедиции до Турт-Куля протекал при чрезвычайно тяжелой обстановке: стояла глубокая осень (1—14 ноября), берега Аму-Дарьи были скованы льдом, для плавания

судов оставался лишь узкий проход по которому неслись глыбы грязного льда.

Пароход и баржа шли по Аму-Дарье совершенно беспрепятственно, по берегам виднелось движение вооруженных всадников, но никаких попыток нападения на пароход не происходило. Однако, судя по передаваемым перед отъездом хивинским аксалам Джурабаем сведениям о том, что в окрестностях Чарджуя и в самом Чарджуе неоднократно появлялись хивинские иомуды якобы по розыску своих кровников и отдельных бежавших из Хивы сановников, Джунаид-хан должен был знать о движении отряда.

Лишь однажды, приблизительно за 90 верст от Турт-Куля, отряд вынужден был выпустить снаряд по подозрительной группе вооруженных людей на высоком скалистом берегу Аму-Дарьи. Группа рассыпалась и ускакала вниз по реке. На вершине этой скалы были обнаружены окопы с массой позеленевших, т. е. старых винтовочных патронов.

Уже близко от Турт-Куля, в 25 верстах от него, в тугае Ак-Камыша отрядом было замечено множество вооруженных всадников, которые однако держались совершенно мирно. В 18 верстах от Турт-Куля экспедиции показалось весьма подозрительным скопление громадных каюков, стоявших у причала. При проходе парохода большое количество пеших вооруженных людей побежало от этой переправы вглубь берега и поспряталось в заросли солодки, но несмотря на выпуск переметчиком по ним нескольких очередей, ответных выстрелов от них не последовало. Пароход, благополучно переночевав в 13 верстах от города, на другой день на рассвете подошел к Турт-Кулю. Грохот орудий, треск пулеметов, винтовочные выстрелы подтвердили правильность предположений, сделанных в Чарджуе о том, что город огражден иомудами. Экспедиция попала в разгар боя.

III.

В предвидении нападения Джунаида, городом была проведена мера защиты его от банд с левого берега. Были вырыты окопы вокруг всего города, правда, слишком растянуто, несоразмерно числу защитников, укреплен хлопко-очистительный завод б. Мануилова; были мобилизованы все без исключения жители Турт-Куля от 14-летних подростков до 75-летних стариков без всякого классового подразделения. С большим трудом удалось привлечь в число защитников города уральцев как местных, турткульских, так и беженцев из поселка в 18 вер., отказавшихся братья вначале за оружие якобы из религиозных убеждений. Более охотно взялись за оружие узбеки, киргизы, каракалпаки, как городские, так и в

особенности беженцы, скопившиеся в городе в количестве 20000 человек Несмотря на это, число всех защитников не превышало 800 человек.

Память не удержала рассказов о первом нападении иомудов, но первоначальный бой с ними был около с. Шурахан, откуда защитники города после ночного боя быстро отступили и залегли в окопах.

К приходу парохода шел 7-й день осады Турт-Куля. Иомуды упорно нападали на правый фланг защитников со стороны кожзавода Девишева и центр со стороны военных лагерей, совершенно оставив в покое левый фланг от кладбища до Аму-Дарьи. Это позволило сосредоточить в местах ожесточенных нападений наиболее боеспособную часть защитников, а в остальных местах оставить так называемую „3-ю категорию“ стариков от 60 до 75 лет.

Осада бандами города продолжалась в течение еще 4-х дней и лишь на 11-й день после семь раз повторившихся упорных атак осажденным удалось не только оттеснить иомудов, но последние в панике бежали на Шейх-Абаз-Вали. Это был критический день для Турт-Куля, т. к. командовавшим войсками и руководившим защитой города накануне была дана ординару т. Соколову серебрянная георгиевская труба какого-то Кубанского полка для дачи сигнала к отступлению к хлопковому заводу, ибо силы защитников уже истощились до такой степени, что от многих бойцов поступали требования или перехода в наступление, или же на отступление в город, так как жесткий мороз, плохая одежда, отсутствие пищи лишало их всякой боеспособности.

Вслед за отступлением иомудов был немедленно снаряжен пароход для перехвата их у переправ, однако трудность движения среди льдов не позволила этого сделать, и пароход, дойдя до поселка, безрезультатно возвратился обратно.

Посланные на другой день конные отряды перехватили переправившихся бандитов около Ш.-Абазвалийской переправы; пулеметным огнем было потоплено несколько каюков, наполненных вооруженными людьми. Уверенность Джунаида во взятии Турт-Куля была настолько велика, что он не только вывез имущество уральцев из брошенного ими поселка, и паника, овладевшая иомудами, заставила их оставить это имущество владельцам.

Из допросов пленных иомудов, а также по донесениям военных разведчиков, посылавшихся впоследствии на левый берег, можно было узнать, что в походе на Турт-Куль участвовали все туркменские вожди. Но в то время как многие из них совместно с хивинцами, из которых особенно выделялся один ургенческий купец, расстрелянный в 20 году, занимались только грабежом окрестного населения,—Джунаид-

хан и, кажется, Гулям-Али вели ожесточенную осаду города. Общее количество всадников, осаждавших город, не превышало 4000 человек, вдвое большее количество рыскало в окрестностях, занимаясь грабежами населения.

По донесению ишана, служившего военным разведчиком коллегии, вскоре после бегства банд на левый берег в Н.-Ургенче состоялось совещание всех туркменских вождей. На этом совещании Джунаид был осыпан упреками в том, что он обманул вождей, пообещав им легкий захват города и громадную военную добычу в то время, как они, ничего не приобретя, потеряли много людей. Защищаясь, Джунаид приказал сообщить число собственных потерь. Число потерянных людей отряда самого Джунаида убитыми и главным образом потонувшими достигло 900 человек, потери всех остальных вождей—800 человек. Насколько правильны были донесения этого ишана разведчика в то время было трудно судить, но донесения других разведчиков подтверждали громадность потерь (сравнительную, конечно) нападавших на Турт-Куль; при чем указывалось, что число потонувших из общего количества достигало 1000 человек.

Между прочим не лишне отметить, что показателями первых симптомов ослабления позиций Джунаида служило то, что в первый же день прихода суден к Турт-Кулю к осажденным начали переходить вооруженные нукера хана хивинского. На допросе они показывали, что Джунаид понудил их силой пойти с собой на Турт-Куль. Этих перебежчиков немедленно посылали в окопы, и они добросовестно защищали город до конца осады.

Старый волк ушел, обломав зубы на небольшой советской твердыне, с ничтожным количеством защитников.

Однако, с уходом Джунаида отдельные набеги на русские владения не прекращались вплоть до вооруженного восстания хивинцев против бандита Джунаида, который неслыханными поборами истощил терпение местного народа.

Под стенами Бухары.

(Страничка из воспоминаний участника)

Вплотную к станции Каган Средне-Азиатской железной дороги примкнул небольшой городок Новая Бухара. Зеленым оазисом врезался он в окружающую его с трех сторон солончаковую степь. К северу раскинулись поля и кишлаки орошенной культурной полосы. Двенадцать километров отделяют его от некогда шумного, крикливого, многолюдного, пестрого, изрезанного кривыми и узкими улицами города Бухары, бывшей столицы Бухарского ханства.

Два города, в двадцатом году это были два враждебно противостоявшие друг другу лагеря. Новая Бухара с его значительным сравнительно рабочим и преимущественно европейским населением концентрировал в себе революционные силы. К нему тянулись нити подпольных бухарских организаций. В нем находили приют осмеливавшиеся поднимать голос против эмирского деспотизма. В старом городе сосредоточивались осколки туркестанской контрреволюции, туда проникали агенты интервентов, там царил еще в полной силе самовластный, не знавший себе удержа ханский произвол.

Тая тревогу, в смертельной ненависти к подступавшей уже к самым стенам Бухары революции, зорко следил старый город за новым—этим гнездом ненавистных „джадидов“.

Десятками рыскали эмирские соглядатаи по новому городу. Каждый поезд, каждый вагон, проходивший через станцию Каган, внимательно осматривали эмирские чиновники и солдаты.

По несколько раз в день скакали конные всадники в Старую Бухару с запрятанными в чалму донесениями о происходящем в новом городе. Полукольцом опоясали Новую Бухару посты эмирских войск, тщательно наблюдая за каждым выходившим из города, и горе было тем смельчакам, которые пытались проникнуть за линию часовых—они исчезали бесследно, обвиненные в попытках пронести „большевистскую заразу“.

Стоял вечер тридцатого августа.

Погруженные в темноту опустели и затихли улицы Новой Бухары. Изредка лишь проезжал какой-либо всадник или быстрым военным шагом проходили красноармейские патрули, да из-за окраины города доносились, ставшие уже привычными, голоса перекилавшихся эмирских часовых.

Ничем в этот вечер не нарушалась обычная для того периода картина военного положения, с его наружным спокойствием и внутренней напряженностью.

Ничто в городе не выдавало того возбуждения, которое таилось за опущенными шторами окон в Комитете партии и Военном Штабе. А возбуждение это было велико—только что полученные сообщения говорили о вспыхнувшем в Чарджуе и Каршах восстании против эмирского деспотизма. Восставшим удалось захватить старый Чарджуй. В Каршах шел бой за овладение Арк'ом. Революционные бухарские отряды в восстании поддерживала городская беднота. Слуги обреченного режима оказывали восставшим бешеное сопротивление.

Уже за некоторое время до этого наблюдательный глаз мог заметить симптомы, предвещавшие скорую революционную бурю. Кишлак волновался. Забитый, бессловесный до этого, он начал открыто высказывать свое недовольство эмирским режимом и порядками, открыто начал делать сопоставления с Советами и выражать им свои симпатии, все чаще и резче оказывал неповиновение эмирским чиновникам. Заразительно действовал пример соседней Туркестанской Республики. Чаша терпения к режиму произвола подступала к своим краям. И, наконец, она хлестнула через край в Чарджуе и Карши.

Положение создавалось острым и ответственным. Требовало немедленных и решительных мероприятий. Начавшееся восстание надо было поддержать всеми силами. Судьба Бухарской революции не могла решиться успехом в Чарджуе и Каршах. Врага надо было разить в самое сердце.

Суровые условия революционной борьбы и подполья, выковывая смелые и решительные характеры, приучая к быстроте действий, помогли принять решения, полностью соответствовавшие условиям сложившейся обстановки.

В час времени, не более, были собраны боевые организации Эмирабада, Кагана, Новой Бухары—рабочие-красногвардейцы. Изготовились красноармейские части. Невооруженным еще были выданы винтовки и патроны. К трудящемуся населению Бухары выпущено воззвание с призывом поддержать восставших. К частям Красной армии обращение—помочь делу свержения эмирата и установления власти Советов.

План боевых действий был выработан просто. Революционные бухарские отряды наступают на Старую Бухару дву-

мя колоннами—одна вдоль шоссе от Кагана, другая с 12-й железно-дорожной версты через Каракульские ворота. По пути отряды присоединяют восстающее население кишлаков. Части Красной армии поддерживают оба отряда. Задача—овладеть Бухарой. Начало действий—четыре часа тридцать первого августа. До этого часа сосредоточение в полной скрытности к исходным для наступления пунктам. Для воспрепятствования возможным попыткам предупреждения врага на всех выходах из города выставляются посты с задачей никого не пропускать в сторону Старой Бухары. Сигнал к действиям—орудийный выстрел.

Ровно в четыре, минута в минуту, грохнул и эхом покатился в воздухе ясного раннего утра первый выстрел полевого орудия. Бухарская революция возвещала свой приход.

Рассекая со свистом воздух, поднялся снаряд, пролетел над городом, снизился и врезался в глинобитную стену двора, на котором размещалась эмирская конница.

Вслед за этим, на северной окраине города, по обе стороны шоссе, раздался взрыв рокота пулеметов, треск ружейных выстрелов, и красные отряды двинулись на штурм режима „бесправия и дикого произвола“.

Атака началась внезапно, велась она бурно. Наемные эмирские солдаты не выдержали удара и бросая обозы, теоря оружие и патроны, начали поспешно и беспорядочно отходить на Старую Бухару, только кое-где цепляясь за местные предметы и оказывая не стойкое сопротивление.

Несколько пушек, перевернутые зарядные ящики, брошенные арбы, пленные, винтовки, патроны были первыми трофеями.

Быстро были пройдены двенадцать километров, разделившие Бухару Новую от Старой. Уже к полудню наши части дрались в прилегающих к самому старому городу предместных кишлаках.

Впереди видны уже были возвышающиеся над окружающими постройками стены эмирской столицы. Шесть столетий насчитывали они, почти на пять сажен высились они над землей, толщина их допускала поверху местами движение повозок, через каждый метр в стене просвечивали бойницы, едва заметное углубление делал в стене удар полевого артиллерийского снаряда.

Трудно было взять эти стены. Крепкую защиту давали они противнику. Надо было их взять любой ценою. Окончательная победа могла быть только за этими стенами.

Враг это хорошо понимал. Он готовил здесь решительное сопротивление. Стены города, прилегающие кладбища, дома, улицы—все было приспособлено к обороне.

Русские белогвардейцы, эмирские чиновники, баи, буржуазия все мобилизовались для отпора.

С коранами в руках, раздирая одежды, иступленными возгласами фанатизировали городскую толпу муллы.

—Смерть джадидам!—доносилось из-за стен.—Да здравствует революция!—Раздавалось в ответ с нашей стороны.

Завязался горячий бой у самых городских стен. Упорен он был до крайности. Кладбище переходило из рук в руки. Несколько раз красные бойцы добирались до самых ворот, но осыпаемые градом пуль, камнями вынуждены были с большими потерями отходить назад. Несколько раз безуспешно бросались они на штурм стен. Неоднократно раскрывались городские ворота и яростные толпы, наэлектризованные и предводимые муллами и чиновниками, поддерживаемые со стен огнем, с криками „алла“ шли на секшие их наши пулеметы. Доходили до них и бросались в рукопашную схватку.

Используя довольно многочисленную конницу, эмир и его генералы внезапными ударами на фланги пытались опрокинуть развернувшийся перед городскими стенами наш боевой порядок.

Два раза левая колонна проникала через Каракульские ворота в старый город, но встречаемая превосходными силами, забрасываемая гранатами в узких улицах города, должна была отходить с большими потерями.

Ни ночью, ни на следующий день ни на минуту не прерывался и не стихал бой. Зарево пожаров, гул артиллерийской стрельбы, трещание пулеметов, крики, все это, смешиваясь, создавало жуткую картину ночи.

Значительно редели ряды бойцов, много товарищей своею кровью или смертью запечатлели преданность революции. На исходе были огнеприпасы. А цитадель контрреволюции упорно держалась. Ярость отчаяния придавала силы врагу.

Наступил третий день—второе сентября. Несколько ослабевший ночью бой возгорелся с новой силой и закипел по всей линии. Сознание всех сверлила одна мысль—мысль о решающем значении этого дня. Не выдержи здесь, отойди от стен—и вопрос Бухарской революции может быть будет отсрочен на долгие годы, а восстание будет подавлено с крайней жестокостью.

Начали последний приступ. В бой было брошено все, могущее так или иначе нанести вред врагу. Ценою жизней храбрейших товарищей удалось сделать в городской стене небольшой пролом. Подвезенными вплотную пушками были разбиты, наконец, арчевые Каршинские ворота.

С возгласами торжества ворвались в город первые две группы смельчаков. Успех был тотчас же подхвачен осталь-

ными. Завязался уличный бой, не менее трудный и тяжелый. Осыпаемые со всех сторон пулями, забрасываемые ручными гранатами, ошпариваемые даже кипятком, с крыш, окон, проликая сквозь пламя городских пожаров, пробивались вперед группы революционных бухарских отрядов, красногвардейцев, красноармейцев. Узкие кривые улицы, глинобитные толстые стены дувалов создавали препятствия на каждом шагу. Отвоевывался дом за домом, квартал за кварталом.

В районе Арк'а было сплошное пожарище.

Однако, перелом уже совершился. Сопrotивление врага по мере продвижения начало ослабевать. У Арк'а оно было окончательно сломлено. Здесь соединились обе колонны наступавших. Еще несколько бросков вперед, несколько разрозненных схваток и красные отряды вышли на северную окраину города. Разбитые остатки бухарской контрреволюции рассеивались по всем направлениям, подготавливая будущее басмачество. Эмир и кучка его приспешников позорно бежали, пробиваясь в пределы Афганистана. Бухара была провозглашена Советской.

История Пролетарской революции пополнилась еще одной новой победной страницей.

Москва,
25 сентября 1930 г.

2084

Цена 60 коп.

14

4